

СВЯЖИ
меня

СЕРИЯ «ПРЕКРАСНЫЕ МОНСТРЫ»

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ДЬЯНКА КОУЛ

18+

Бьянка Коул
Свяжи меня

«Автор»

2026

Коул Б.

Свяжи меня / Б. Коул — «Автор», 2026

Попав в плен к врагам семьи, я и представить не могла, что тюремщик станет навязчивой идеей. Эрик Иванов должен был стать кошмаром, но пробуждает желания, которые я скрывала всю жизнь. Моя технологическая империя была спасением от криминального прошлого, но братья Ивановы рушат планы, взяв меня заложницей ради давления на отца. Эрик не такой, каким я его ждала: за ледяным самообладанием — тьма, что манит. Каждое его прикосновение ослабляет сопротивление, каждое заявление прав стирает грань между похитителем и любовником. Влюбиться в Иванова — смертный приговор: вражда наших семей тянется поколениями. Чем сильнее чувство, тем опаснее игра. Он будит во мне потребность подчиняться, быть его — и это пугает. Когда придётся выбирать между верностью семье и мужчиной, завладевшим телом и душой, я не знаю, переживу ли последствия. «Держи врагов близко», — говорят. Но никто не предупреждал, что будет, если впустить их в сердце.

© Коул Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Примечание автора	5
Аннотация	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	34
Глава 9	39
Глава 10	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Бьянка Коул

Свяжи меня

Примечание автора

Привет, читатель.

Это предупреждение, чтобы вы знали, что эта книга — МРАЧНЫЙ роман, как и многие другие мои книги. Если у вас есть какие-либо триггеры, было бы неплохо действовать с осторожностью.

Помимо собственнического и неуравновешенного антигероя, который не принимает "нет" в качестве ответа, и множества пикантных сцен, в этой книге затрагиваются некоторые деликатные темы. Как всегда, в этой книге хороший конец и никакого обмана.

Если у вас есть какие-либо триггеры, то лучше всего прочитать предупреждения и не продолжать, если какие-либо из них могут сработать для вас. Однако, если ни одно из вышеперечисленных не представляет для вас проблемы, читайте дальше и наслаждайтесь!

Аннотация

Попав в плен к врагам моей семьи, я и представить не могла, что мой тюремщик станет моей навязчивой идеей.

Эрик Иванов должен был стать моим кошмаром, но вместо этого он пробуждает во мне желания, которые я скрывала всю свою жизнь.

Моя технологическая империя должна была стать моим спасением от криминального прошлого моей семьи. Но когда братья Ивановы берут меня в плен, чтобы контролировать моего отца, все мои тщательно продуманные планы рушатся.

Эрик Иванов совсем не такой, каким я его представлял. За его ледяным самообладанием скрывается тьма, которая зовет меня. Каждый раз, когда он прикасается ко мне, мое сопротивление слабеет. Каждый раз, когда он заявляет на меня права, грань между похитителем и любовником стирается.

Но влюбиться в Иванова - это смертный приговор. Наши семьи были врагами на протяжении многих поколений, и любовь не сотрет кровь между нами. Чем сильнее я влюбляюсь, тем опаснее становится эта игра.

Эрик пробуждает во мне то, что я пыталась отрицать: потребность подчиняться, быть его собственностью, отдаться зверю, скрывающемуся за его тщательно продуманной маской. Но когда приходит время выбирать между верностью семье и мужчиной, который завладел моим телом и душой, я не уверена, что переживу последствия.

Говорят, держи врагов близко, но никто не предупредил меня, что будет, если впустить их в своё сердце.

Глава 1

Катарина

Голубое свечение множества мониторов заливает мой офис неземным светом, пока я просматриваю строки кода. Последний проект моего стартапа по кибербезопасности требует внимания. Тем не менее, мои мысли возвращаются к сообщению от моего отца, оставшемуся без ответа на моем телефоне.

Стук в дверь нарушает мою концентрацию. — Мисс Лебедева, люди на три часа уже здесь.

— Спасибо, Сара. Пусти их. — Я сворачиваю код и поправляю блейзер, отбрасывая мысли об отце.

Входят двое мужчин в строгих костюмах, их начищенные ботинки стучат по деревянному полу. Тот, что постарше, протягивает руку. — Мисс Лебедева, я Дэвид Чен из VentureTech.

Я пожимаю ему руку, отмечая его крепкое пожатие. — Пожалуйста, присаживайтесь.

— Ваше предложение по решениям безопасности на основе блокчейна впечатляет. — Он открывает свой ноутбук. — Хотя некоторые из наших инвесторов выразили обеспокоенность по поводу... определенных семейных связей.

Моя челюсть сжимается. Конечно, они обеспокоены. — Моя компания работает независимо, мистер Чен. Имя Лебедевых могло открыть двери, но я прошла через них благодаря своим собственным заслугам.

— Репутация вашего отца...

— Она не имеет никакого отношения к моей работе. — Я вывожу нашу последнюю систему безопасности на экран конференц-зала. — Это то, что должно заинтересовать ваших инвесторов. Мы разработали квантово-устойчивый протокол шифрования, который на годы опережает конкурентов.

Дэвид наклоняется вперед, его прежние колебания забыты, когда я знакомлю его с техническими характеристиками. Это мой мир — единицы и нули, чистый код, прозрачные транзакции. Никаких кровавых денег, никаких долгов за услуги, никаких тел, закопанных в бетон.

Мой телефон снова жужжит. Номер отца. Я отключаю его, не глядя.

— Ваша приверженность законному ведению бизнеса достойна восхищения, — говорит Дэвид, закрывая свой ноутбук. — Но вы понимаете нашу потребность в должной осмотрительности.

— Абсолютно. — Я встаю, разглаживая юбку. — И вы обнаружите, что все, связанное с LebedevTech, безупречно. Я позаботилась об этом.

После того, как они уходят, я, наконец, читаю сообщение отца: Семейный ужин. Сегодня вечером. Обсуждению не подлежит.

Я удаляю его и возвращаюсь к своему коду. Он больше не может заставить меня быть той, кем он хочет. Я создала здесь что-то настоящее, что-то чистое. И я никому не позволю заткнуть меня обратно в эту темноту.

Я прижимаюсь лбом к прохладному стеклу окна своего офиса, наблюдая, как горизонт Бостона растворяется в сумерках. Городские огни напоминают мне строки кода, на которые я смотрела, — каждый из них — светящаяся точка в обширной сети. Однако, в отличие от моих чистых алгоритмов, сеть связей в этом городе опутана влиянием моего отца.

Мои лабутены стучат по мрамору, когда я направляюсь к лифту. Охранник кивает, и я ловлю его быстрый взгляд на кобуру пистолета у него под курткой. Люди отца, всегда начеку. Защита, как он это называет. Клетка, я знаю, что это такое.

Дорога домой в моей Тесле кажется слишком короткой. Из моего пентхауса открывается другой вид на тот же город — выше, более удаленно. Таким, какой я стараюсь быть. Приглашение на сегодняшний благотворительный вечер лежит на моем кухонном столе, рельефные буквы играют на свету. В поддержку жертв организованной преступности. Ирония от меня не ускользает.

Я захожу в свою гардеробную, проводя пальцами по дизайнерским платьям. Каждое было куплено на мои собственные деньги, которые я заработала тяжелым трудом, все, что досталось мне от отца, было возвращено. Черный Valentino, который я выбираю, стоит достаточно, чтобы прокормить семью в течение нескольких месяцев.

В ванной я начинаю делать привычный макияж автоматически. — Ты не можешь спасти всех, — всегда говорит отец, когда я упоминаю о своей благотворительной деятельности. — Мир держится на силе, а не на доброте. — Но я видела последствия его власти — в полицейских отчетах, к которым у меня не должно быть доступа, в газетных статьях о пропавших без вести и в пустых глазах жен, потерявших мужей в результате бандитских разборок.

Бриллиантовое ожерелье, которое я надеваю на шею, кажется тяжелым. Подарок на день рождения от моей матери, вероятно, купленный на кровавые деньги отца. Однако это единственная вещь, которая у меня есть, которую она подарила мне перед смертью, и я никогда не смогу заставить себя вернуть ее. После смерти матери у моего отца осталась только я, и иногда я думаю, что это единственное, что делает его человеком.

Я разглаживаю платье, разглядывая свое отражение. Женщина, смотрящая на меня в ответ, выглядит лощеной, успешной и законной. Все, чем я старался стать, но тень отца все еще омрачает границы.

Я сажусь на кожаное сиденье своей Tesla, меня обдает знакомым ароматом. Улицы Бостона блестят от недавнего дождя, светофоры окрашивают мокрый асфальт в меняющиеся цвета. Мои пальцы постукивают по рулю на каждом красном сигнале светофора, требование отца поужинать все еще не выходит у меня из головы.

Впереди появляется место проведения благотворительного гала-концерта — сплошь стекло и современная архитектура, камердинеры в красных куртках спешат открыть двери автомобилей. Я отдаю ключи и расправляю плечи, прежде чем войти внутрь.

Бальный зал гудит от бостонской элиты. Хрустальные люстры отбрасывают радужные блики на бокалы с шампанским и дизайнерские платья. Я прохожу между группами людей, кивая знакомым лицам, принимая воздушные поцелуи от светских жен. Моя улыбка кажется приклеенной. Это совсем не моя сфера деятельности, но если я хочу добиться успеха, то такого рода нетворкинг вполне ожидаемо.

— Ты слышала о новом проекте застройки? — Жена магната недвижимости сжимает мою руку.

Я делаю вид, что слушаю, а сам ищу ближайший путь к отступлению. Эти разговоры истощают меня — вся эта поверхностная болтовня скрывает под собой более темные дела. Я в любой день предпочту спокойную ночь с ноутбуком

Я вежливо улыбаюсь болтающей женщине. — Извините, мне нужно кое с кем поздороваться. — Ложь срывается с моего языка с отработанной легкостью, когда я высвобождаюсь из ее хватки.

Пробираясь сквозь элиту Бостона, я беру бокал шампанского у проходящего официанта и совершаю свое тактическое отступление. Дальний угол балльного зала, частично скрытый за большой цветочной композицией, предлагает убежище от удушающей светской беседы. Я

глубоко выдыхаю, чувствуя, как мои плечи наконец расслабляются, впервые с тех пор, как я приехала.

С этой выгодной позиции я наблюдаю за присутствующими в зале технологическими предпринимателями, смеющимися с политиками, юристами, чокающимися бокалами с врачами, и разбросанными повсюду партнерами моего отца, притворяющимися законными бизнесменами. Благотворительная организация может искренне помогать жертвам организованной преступности, но от меня не ускользает ирония того, кто финансирует эти мероприятия.

Я допиваю остатки шампанского, пузырьки остро ощущаются на языке. В моем клатче снова жужжит телефон. Отец, без сомнения, удивляется, почему меня нет на его ужине. Пусть удивляется. Я заслужила эту независимость, построила эту жизнь кирпичик за кирпичиком, код за кодом.

Цветы рядом со мной источают свой тяжелый аромат — лилии и розы, слишком сладкие, как фальшивые любезности, которыми обмениваются в этой комнате. Я ненадолго закрываю глаза, прикидывая, сколько еще мне нужно пробыть здесь, прежде чем уйти, не повредив отношениям с потенциальными инвесторами.

— Могу я спросить, почему такая красивая женщина, как вы, прячется по углам на вечеринках?

Низкий голос пугает меня. Я поворачиваюсь лицом к незваному гостю в моем тихом убежище. Поразительные каштаново-карие глаза впиваются в мои. Высокий, широкоплечий мужчина с темными волосами и в идеально сшитом смокинге стоит позади меня. Его улыбка застает меня врасплох — искренняя, доходящая до глаз.

— Мне нужна была минутка, — открыто признаюсь я.

Его улыбка сногшибательна. — Могу я предложить вам выпить? — Он поднимает два бокала с шампанским. — Ты выглядишь так, будто тебе это не помешает.

Смех вырывается прежде, чем я успеваю его остановить. — Так очевидно?

— Только для товарища по несчастью. — Он протягивает один бокал. — Я двадцать минут изучал предложенные Кевином Дженкинсом проекты парковочных сооружений.

Я не должна принимать напитки от незнакомцев, особенно из списка врагов моей семьи. Но что-то в его непринужденных манерах заставляет меня все равно потянуться за шампанским.

— Извините, я не расслышал вашего имени. — В его голосе слышен намек на акцент, который я не могу определить.

— Катарина Лебедева.

Тепло в его глазах сменяется расчетливостью, когда он делает размеренный глоток шампанского.

— А ты? — Я сохраняю легкомысленный тон, хотя и становлюсь настороженной.

— Эрик Иванов.

Шампанское горчит у меня на языке. Конечно. Ивановы — соперники моего отца в бостонском преступном мире. Я слышала шепотки об Эрике, бывшем военном брате, который занимается их более физическими деловыми отношениями.

— Интересный выбор мероприятия. — Я указываю на баннер «В поддержку жертв организованной преступности», висящий над сценой. — Довольно иронично, ты не находишь?

Выражение его лица не меняется, но он крепче сжимает бокал с шампанским. — Возможно, у всех нас есть свои причины находиться здесь.

— Да, я уверена, что Ивановы глубоко обеспокоены благополучием жертв организованной преступности. — Слова вырываются прежде, чем я успеваю их остановить и резче, чем намеревалась.

— А Лебедевы — нет? — Его темные глаза пристально смотрят в мои, в их глубине ясно читается вызов.

Мы стоим молча, два волка в дизайнерской одежде, притворяющиеся овцами. Вокруг нас бостонская элита продолжает свою подпитываемую шампанским болтовню, не обращая внимания на хищников в своей среде.

— В отличие от некоторых, я действительно имею это ввиду, когда говорю, что не хочу иметь ничего общего с организованной преступностью или моим отцом. — Я делаю еще глоток шампанского, пузырьки остры на языке. — Моя технологическая компания работает совершенно отдельно от интересов моего отца. Я удостоверилась в этом с первого дня.

Выражение лица Эрика остается нейтральным, но что-то мелькает в его темных глазах. — Благородные намерения.

— Не намерения. Факты. — Я ставлю свой бокал на поднос проходящего официанта. — Каждая транзакция, каждый контракт, каждая строка кода законны и прозрачны. Это больше, чем я могу сказать о деятельности вашей семьи.

— Вы, кажется, хорошо осведомлены о нашем бизнесе. — Теперь в его голосе слышится раздражение.

— Я точно знаю, чем занимаются Ивановы. — Я разглаживаю платье — жест, который помогает мне сохранять самообладание. — Я потратила годы на создание чего-то чистого, чего-то, что помогает людям. Мое присутствие здесь сегодня вечером поддерживает реальных жертв. Но ты? — Я прямо встречаю его взгляд. — Мы оба знаем, что ты здесь ради шоу.

Его челюсть сжимается. Воин под дизайнерским костюмом проступает на мгновение — в его позе, в том, как его пальцы сжимают бокал с шампанским, в том, как его глаза осматривают комнату.

— Вы строите предположения, мисс Лебедева.

— Нет, я констатирую факты. В «инциденте», произошедшем в прошлом месяце в доках, явно замешаны Ивановы. Трое погибших, двое пропавших без вести. Прошу меня извинить. — Я отворачиваюсь от Эрика, не дожидаясь его ответа. Мои каблуки стучат по мраморному полу, пока я пробирюсь сквозь толпу, но тяжесть его взгляда преследует меня, как физическое прикосновение.

Я присоединяюсь к группе, обсуждающей последние технологические инновации, заставляя себя сосредоточиться на их разговоре о квантовых вычислениях. Слова захлестывают меня, в то время как мою кожу покалывает от осознания. Он все еще наблюдает — я чувствую это.

Я беру новый бокал шампанского у проходящего мимо официанта, стараясь не смотреть в сторону Эрика. Но мой предательский разум продолжает вызывать в воображении образы этих темных глаз, того, как его костюм облегал широкие плечи, как его большие руки затмевали изящный бокал с шампанским.

Прекрати, ругаю я себя. Этот человек — Иванов. Руки его семьи в крови, как и у меня. Я слишком много работала, чтобы дистанцироваться от этого мира, чтобы позволить влечению затуманить мой разум.

Но когда я меняю позу, чтобы лучше слышать чей-то комментарий о безопасности блокчейна, я мельком вижу его в другом конце комнаты. Он стоит отдельно от толпы, хищник среди овец. Его поза передает осведомленность солдата. Дрожь пробегает по моей спине, и это не имеет никакого отношения к кондиционированию воздуха в бальном зале.

Я отхожу от группы и направляюсь на балкон подышать свежим воздухом. Прохладный ночной ветерок проясняет мою голову, но никак не замедляет пульс. Я встречала много опасных мужчин — выросла в их окружении. Почему этот человек действует на меня по-другому?

Возможно, потому, что, в отличие от остальных, которые прячут свою жестокость за вежливыми улыбками и дизайнерскими костюмами, Эрик открыто носит свою мрачность. В этом есть что-то почти честное, в нем самом.

Я хватаюсь за перила балкона, отгоняя эти мысли. Не имеет значения, насколько он привлекателен или то, как от его акцента по моим венам разливается тепло. Некоторые границы не следует пересекать, и связь с Ивановым возглавляет этот список.

Глава 2

Эрик

Я встаю до рассвета, мышцы напряжены после еще одной беспокойной ночи. Встреча с Катариной Лебедевой прокручивается в моей голове, как кадры с камер наблюдения, которые я не могу стереть. Ее зеленые глаза впились в мои с силой, которая обошла мою обычную защиту.

Мой кулак соприкасается с боксерской грушей, удар эхом разносится по частному тренажерному залу в моем пентхаусе. Левый хук. Правый кросс. Ритм должен прояснить мою голову, но ее сладкий аромат жасмина остается.

— Рано встал, брат? — Голос Николая прерывает мою концентрацию.

Я ворчу, набирая очередную комбинацию. Цепи гремят над головой.

— Ты здесь с четырех. — Он появляется в поле моего зрения. — Это ведь не имеет ничего общего с дочерью Игоря Лебедева?

Мои челюсти сжимаются. От следующего удара шов сумки лопается.

— Я так и думал. — Николай скрещивает руки на груди. — Я видел, как ты наблюдал за ней прошлой ночью.

— Я оценивал нашу будущую пленницу. — Ложь горькая на вкус.

— Верно. А я ухожу в монастырь. — Он бросает мне полотенце. — Ты никогда раньше не терял сосредоточенности во время наблюдения. Ни разу.

Песок сочится из поврежденного мешка. Как и она, он проникает мне под кожу способами, которые я не могу контролировать. Я крепче сжимаю костяшки пальцев, готовясь переключиться на тяжелый мешок.

— Встреча через час. — Николай направляется к двери. — Постарайся больше ничего не сломать.

Я закрываю глаза, пытаюсь сосредоточиться с помощью дыхательных упражнений, которые обычно мне помогают. Все, что я вижу за своими закрытыми веками, — это Катарину в том черном платье, то, как она расправила плечи, когда поняла, кто я такой. Сила в ее позе говорила о человеке, который сражался в своих собственных битвах.

Сообщение на моем телефоне возвращает меня в настоящее. Прошло двадцать минут, а я и не заметил — еще одна трещина в моей рутине, которой быть не должно. Одна встреча с Катариной Лебедевой поставила под угрозу годы тщательно поддерживаемой дисциплины.

Я быстро принимаю душ и одеваюсь. Glock скользит в наплечную кобуру, ощущая знакомую тяжесть на ребрах, там, где по коже тянутся худшие из моих шрамов. Два запасных ножа находят свое пристанище на лодыжке и поясе.

В зале заседаний воцаряется тишина, когда я вхожу. Николай сидит во главе стола, сцепив пальцы домиком. Карты и фотографии с камер наблюдения разложены перед ним, как перед генералом, планирующим вторжение.

— Мы с Дмитрием займемся извлечением. — Тон Николая не терпит возражений. — Эрик сохранит опеку после этого.

Мои мышцы напрягаются. Мысль о близости с Катариной вызывает тревожные сигналы, которых я не ощущал со времен Грозного. — У Виктора больше опыта в...

— Ты единственный, кому я доверяю в этом. — Серые глаза Николая пронзают меня. — Люди ее отца будут искать признаки жестокого обращения. Ты знаешь, как обращаться с ценными активами.

Актив. Как политиков, которых я охранял в Москве. Разница в том, что у меня не чесались руки прикоснуться к ним.

Я хватаюсь за край стола для совещаний, костяшки пальцев белеют на полированном дереве. — Она не актив. Она личность.

— Человек, который нам нужен, если мы хотим контролировать Игоря, — возражает Николай. — Твоя работа — обеспечить ее безопасность, не более.

Чертежи конспиративной квартиры передразнивают меня, лежа на столе. Я потратил дни на подготовку — усиленные двери, системы безопасности и предметы комфорта, тщательно подобранные для минимизации стресса. Но от вида того, как Дмитрий и Николай планируют ее поимку, у меня сводит живот.

— Команда эвакуации выведет ее через черный ход. После этого ты со всем разберешься. — Николай перекладывает через стол фотографии с камер наблюдения, на которых Катарина выходит из своего кабинета. Еще один снимок, где она пьет кофе, и еще один, где она работает за своим ноутбуком.

— Я хочу, чтобы были готовы медицинские принадлежности, — говорю я, вспоминая, как она берегла свою правую лодыжку на мероприятии. — И нормальная еда. Если мы делаем это, то делаем правильно.

Дмитрий приподнимает бровь. — Размягчаешься, брат?

— Действую профессионально. — Я собираю чертежи. — Во сколько эвакуация?

— Завтра утром. Подготовь все к десяти. — Николай встает, давая понять, что дискуссия окончена. — И, Эрик? Помни, что она — средство для достижения цели. Не позволяй этим зеленым глазам лани одурачить тебя.

Они уже сделали это. Воспоминание о ее свирепом взгляде преследует меня, когда я направляюсь на конспиративную квартиру, чтобы сделать последние приготовления. Завтра она будет под моей опекой, не по своей воле, а по принуждению. Эта мысль наполняет меня в равной степени ужасом и предвкушением.

Пока я собираю чертежи, Алексей материализуется рядом с моим креслом, его пальцы выбивают беспорядочную дробь на своем ноутбуке.

— Ты опять скрипишь зубами. — Он опускается на сиденье рядом со мной. — Я слышу даже отсюда.

Я бросаю на него предупреждающий взгляд, но он только усмехается, глубже погружаясь в кожаное кресло.

— Да ладно тебе, старший брат. Я следил за трансляциями вчерашнего мероприятия. Это небольшое общение с мисс Лебедевой вызвало больше искры, чем пожар в серверной.

Моя рука сжимает бумаги сильнее. — Разве у тебя нет систем, которые нужно взломать?

— Уже сделано. Кроме того, наблюдать за твоими сбоями гораздо интереснее. — Он крутится на стуле. — Знаешь, для человека, обученного скрытным операциям, ты был так же незаметен, как DDoS-атака, когда она проходила мимо.

— Алексей. — Рычание в моем голосе заставило бы большинство мужчин сбежать. Мой младший брат только смеется.

— Расслабься. Я уже удалил запись с камеры наблюдения твоей милой встречи. Хотя сохранил копию для шантажа. — Он уклоняется от моего удара с отработанной легкостью. — А если серьезно, я не видел тебя таким взвинченным с той давки в Киеве.

Я встаю, мне нужно двигаться. — Ничего страшного.

— Верно. А я всего лишь обычный пользователь компьютера. — Выражение лица Алексея на мгновение становится серьезным. — Просто... постарайся не сломать ее, когда получишь. Она на самом деле великолепна в том, что делает. Ее протоколы шифрования... — Он тихо присвистывает. — Было бы жаль повредить этот мозг.

От мысли о том, что я причину ей боль, у меня сводит живот. Я хватаю куртку и направляюсь к двери, прежде чем Алексей сможет прочитать что-нибудь по моему лицу.

— Эй, — кричит он мне вслед. — Если тебе нужен компромат на нее, у меня есть доступ...

Дверь закрывается за его словами. Я не хочу знать, что он нашел. Не хочу больше деталей, чтобы сделать ее реальной. Завтрашний день и без них будет достаточно тяжелым.

Я иду по коридору, мои шаги отдаются эхом от мрамора, как далекие выстрелы. Мое дыхание становится слишком быстрым. Сердцебиение учащается. Руки сжаты. Все физические симптомы, которые я бы диагностировал у других, как реакцию на стресс. Боевая готовность без боя.

И все из-за нее.

Я набираю код доступа на панели безопасности. Дверь в оружейную комнату — мое убежище — с шипением открывается. Знакомый запах оружейного масла и металла должен успокоить меня. И все же с тех пор, как я встретился взглядом с Катариной Лебедевой этого так и не произошло.

Тактическая ошибка. Оперативная слабость. Скомпрометированное суждение.

Я автоматически прогоняю военную оценку, проверяя, что каждое оружие находится на своем месте. Рутинная задача должна сосредоточить меня, но мой разум бунтует, воспроизводя нашу короткую встречу вместо того, чтобы сосредоточиться на задаче.

— Тебе следовало сохранять дистанцию, — бормочу я себе под нос, разбирая пистолет Sig Sauer. — Только наблюдение. Никакого контакта.

Базовый протокол. Я вел наблюдение за сотнями целей, не вступая в бой. Не ощущая этого... нарушения. Один разговор с ней нарушил двадцатилетнюю дисциплину.

Я собираю оружие, сосредотачиваясь на механических щелчках, которые обычно успокаивают мой разум. То, как она смотрела на меня — не со страхом, а с узнаванием. Как будто она увидела за тщательно выстроенным фасадом что-то скрытое. То, что я годами прятал под рубцовой тканью и тактической точностью.

Тяжесть завтрашней операции тяжким грузом ложится на мои плечи. Мне придется встретиться с ней снова, не как незнакомец на корпоративном мероприятии, а как ее похититель. Тогда она посмотрит на меня другими глазами.

Так будет лучше. Чище. Роли четко определены.

Тогда почему у меня сжимается грудь при этой мысли?

Я кладу оружие обратно в футляр, руки чувствуют себя увереннее, чем все утро. Мне нужно перезагрузиться. Повторная калибровка. Отнестись к этому как к любой другой миссии.

Даже если ничто в Катерине Лебедевой не похоже ни на одну мишень, с которой я когда-либо сталкивался раньше.

Глава 3

Катарина

Я потираю виски, уставившись на строки кода на экране. Еще одна поздняя ночь в офисе, но эти протоколы безопасности не пишутся сами собой. Слабый свет моей настольной лампы отбрасывает тени на клавиатуру, когда я печатаю, знакомое щелканье почти успокаивает.

Звук. Я вскидываю голову.

Шаги в коридоре — слишком много, слишком скоординированные. Мой пульс учащается, когда я хватаю телефон, но он выскальзывает из моих дрожащих пальцев, когда дверь распаивается.

Входят трое мужчин, и я сразу узнаю их — Ивановы. Мой желудок сжимается, но я заставляю себя медленно встать, сохраняя нейтральное выражение лица, даже когда мое сердце колотится о ребра. Сказываются годы тренировок моего отца — оценивать, анализировать, выживать.

— Мисс Лебедева. Вы пойдете с нами.

Грубые руки хватают меня за запястья. Я не сопротивляюсь — это было бы глупо. Вместо этого я запоминаю лица, голоса и движения. Отец всегда говорил, что информация — это сила. Даже когда холодный пот выступает у меня по спине, я запоминаю детали.

Служебный лифт опускается, и я прокручиваю в голове сценарии. Отец нападает на их склады — это возмездие. Я — рычаг воздействия. Эта мысль должна привести меня в ужас, но каким-то образом клинический анализ помогает мне сохранять самообладание, когда меня сажают в ожидающий фургон.

— Отец убьет вас всех за это, — говорю я по-русски, вздергивая подбородок. Мой голос звучит ровно, несмотря на страх, скручивающий меня изнутри. Не проявляй слабости. Никогда не позволяй им увидеть, как ты ломаешься.

Губы Николая кривятся. — Твой отец слишком занят поджогом наших складов, чтобы заметить твое отсутствие.

Я чувствую на себе оценивающий взгляд Дмитрия, эти льдисто-голубые глаза улавливают каждую деталь. Он сидит напротив меня в фургоне, его костюм от Armani безупречен, несмотря на поздний час. Я выдерживаю его взгляд, отказываясь отводить глаза первой.

Его наманикюренные пальцы ритмично постукивают по колену. Раз-два-три. Раз-два-три. Это движение привлекает мое внимание к его Rolex — я автоматически отмечаю, что они установлены на пять минут раньше. Когда пытаешься выжить, важна каждая деталь.

— Твои протоколы безопасности впечатляют, — говорит он на безупречном английском. — Особенно интеграция с блокчейном.

Я стараюсь дышать ровно. Конечно, они следили за моей работой. — Если вам нужна консультация, вы могли бы назначить ее в рабочее время.

Тень улыбки появляется на его лице. Фургон попадает в выбоину, и я использую это движение, чтобы проверить кабельные стяжки на запястьях. Промышленного класса. Не подаются.

Четверо мужчин в фургоне. Двое впереди. Дмитрий напротив меня. Николай рядом со мной. Маршрут кажется знакомым — мы направляемся к набережной. Множество возможных направлений, ни одно из них не подходит.

Я каталогизирую сценарии побега, отбрасывая каждый из них. Блокировка от детей. Окна укреплены. Даже если бы я смогла разорвать стяжки, двое мужчин Иванова схватили бы

меня прежде, чем я добралась бы до выхода. Тогда возникает вопрос, куда бы я побежала, если бы мне удалось выбраться невредимой из движущегося транспортного средства.

Мои технические знания здесь бесполезны. Ни телефона, ни компьютера, ни способа отправить SOS. Только я, двое Ивановых и растущее расстояние между безопасностью и тем, что ждет нас в пункте назначения.

Глаза Дмитрия не отрываются от моего лица. Он читает меня так же, как я читаю его. Два хищника оценивают друг друга, только я одна в наручниках.

Фургон замедляет ход, его шины хрустят по гравии. Сквозь тонированные стекла я вижу густой лес, простирающийся во всех направлениях. Изоляция бьет по мне сильнее любого физического удара — ни свидетелей, ни камер, ни цифровых следов, по которым можно было бы проследить.

Мои похитители выводят меня из фургона. Их хватка скорее профессиональная, чем жестокая. Дом перед нами современный, с четкими линиями и усиленным стеклом. Камеры слежения усеивают линию крыши. Датчики движения встроены в ландшафтный дизайн. Крепость, замаскированная под роскошное убежище.

Входная дверь открывается с мягким щелчком. Внутри жилое пространство открытой планировки заливают голубой свет, исходящий от стены с экранами. Алексей Иванов сгорбился перед ними, его пальцы порхают по нескольким клавиатурам. Когда мы входим, он не оборачивается.

— Периметр защищен, — бормочет он, не отрывая глаз от экрана. — Хвоста нет.

Я изучаю его установку, пока могу. Шесть мониторов. Оборудование на заказ. Одно только его рабочее место, вероятно, стоит больше, чем дома у большинства людей. Но мое внимание привлекают программы, бегущие по его экранам, — передовые протоколы безопасности, некоторые я узнаю, другие совершенно незнакомы.

Сам дом скудный, но дорогой. Мраморные полы. Окна от пола до потолка, из которых не видно ничего, кроме деревьев. Идеальная тюрьма, окруженная современной архитектурой.

Мой разум перечисляет точки входа, меры безопасности и возможные слабые места — но я знаю, что это бесполезно. Если Алексей Иванов объявил это место безопасным, так оно и есть. Его репутация в кругах кибербезопасности легендарна. Он призрак в машине, хакер, которого боятся другие хакеры.

Рука под моим локтем направляет меня в коридор. Я запоминаю каждый поворот, хотя сомневаюсь, что у меня будет шанс воспользоваться этой информацией. Эти люди не совершают ошибок.

Я стараюсь не вздрагивать, когда Эрик выходит из задней комнаты. Наши взгляды встречаются на долю секунды, прежде чем я заставляю себя отвести взгляд, но не раньше, чем замечаю, как его походка замедляется. Воспоминание о нашей встрече на благотворительном мероприятии еще свежо в моей памяти.

— Возьми ее под охрану, — приказывает Дмитрий. Интересно, почему они делают это сами, вместо того чтобы поручить своим людям разобраться со мной, но, скорее всего, это потому, что они хотят сохранить информацию о моем похищении и местонахождении в тайне.

Руки Эрика на удивление нежные, когда он подводит меня к стулу. Его пальцы касаются моих плеч, когда он фиксирует мои запястья, и я не могу унять дрожь, которая пробегает по мне от его прикосновения. Прикосновение кажется электрическим и опасным. Я держу себя напряженно, борясь с желанием прижаться к его теплу.

— Осторожнее с товаром, — голос Николая сочится весельем. — Она нужна нам целой для рычага воздействия.

Эрик отступает назад, но я физически ощущаю на себе его взгляд. Он скользит по линии моей шеи и ниспадающим волосам. От интенсивности его внимания у меня по коже бегут мурашки.

— Я не товар, — огрызаюсь я, проверяя ремни. Они надежные, но не жесткие. — И если ты думаешь...

— Побереги дыхание, принцесса. — Дмитрий прерывает меня взмахом руки. — Ты будешь нашим гостем, пока твой отец не научится вести себя прилично.

Я замечаю, что Эрик не отошел далеко, расположившись так, чтобы держать меня в поле зрения. Его лицо остается бесстрастным, но в его глазах есть что-то такое, от чего у меня учащается пульс.

— Что-нибудь еще нужно от заключенного, Эрик? — В голосе Алексея звучат дразнящие нотки. — Может быть, ты хочешь лично провести ее допрос?

Челюсти Эрика сжимаются. — Кто-то должен быть начеку.

— Я уверен, ты будешь очень внимательно следить, — говорит Николай, когда они выходят. — Особенно за некоторыми... активами.

Дверь со щелчком закрывается за ними, оставляя меня наедине с Эриком. Между нами повисает тишина, полная невысказанного напряжения. Я ерзаю на стуле, снова проверяя ограничения, наблюдая за ним из-под ресниц. Его взгляд не отрывается от меня с тех пор, как ушли остальные.

Жар ползет вверх по моей шее при воспоминании о наводящих комментариях его братьев. Я заставляю себя посмотреть ему в глаза, вкладывая в свой голос годы переговоров в зале заседаний. — Твои братья, кажется, думают, что между нами что-то есть.

Выражение лица Эрика не меняется, но его плечи напрягаются. Он придвигается ближе, проверяя мои веревки с клинической точностью. Его пальцы касаются моего запястья, и от этого прикосновения по мне пробегает электрический разряд.

— Они слишком много болтают, — говорит он.

Я слегка наклоняюсь вперед, позволяя волосам упасть на плечи. — И что ты об этом думаешь?

Его руки застывают на путях. На мгновение мне кажется, что я просчиталась. Затем его большой палец рисует небольшой круг на внутренней стороне моего запястья, такой легкий, что я почти пропускаю его.

— Я думаю, ты опасна. — Его слова доносятся едва громче шепота.

— Я? — Я выгибаю бровь, изображая невинность, в то время как мое сердце бешено колотится. — Это я привязана к стулу.

Он отступает назад, но его взгляд задерживается на том месте, где моя блузка слегка сползла с плеча. Я сопротивляюсь желанию поежиться под его пристальным взглядом. Если бы я только могла заставить его ослабить бдительность...

— Ты прекрасно знаешь, насколько ты опасна. — В его голосе слышатся обвиняющие нотки. — Я видел твою работу. Твой разум — это оружие.

Комплимент застает меня врасплох. Большинство мужчин заикливаются на моей внешности или фамилии. Эрик видит за обоими то, что действительно важно, — мои способности.

Я наклоняю голову, изучая его. — Ты боишься того, что я могу сделать?

Его губы подергиваются. — Меня больше беспокоит то, что ты пытаешься сделать прямо сейчас.

Поймал. Но вместо гнева я вижу в его глазах что-то вроде восхищения.

Я ерзаю на стуле, проверяя его реакцию. — И что я пытаюсь сделать?

Челюсть Эрика напрягается, под кожей подрагивает мускул. Он делает еще один шаг назад, увеличивая расстояние между нами. Его глаза скользят по мне, и я замечаю, как его взгляд задерживается на моих губах, шее, изгибе плеча.

— Ты пытаешься манипулировать мной. — Его голос звучит грубо. — Это не сработает.

— Может, я просто наслаждаюсь разговором. — Я выгибаю спину, разминая затекшие мышцы. Его глаза отслеживают движение, прежде чем вернуться к моему лицу. — Тебе, должно быть, скучно стоять на страже.

— Мне не бывает скучно. — Его пальцы сжимаются по бокам, выдавая напряжение. — И я не болтаю с заключенными.

Я наклоняюсь вперед, позволяя волосам упасть мне на лицо. — Тогда почему ты все еще разговариваешь со мной?

Он движется с поразительной скоростью, сокращая расстояние между нами. Его руки сжимают подлокотники моего кресла, удерживая меня в плену. От его тела исходит тепло, и у меня перехватывает дыхание от его близости.

— Прекрати. — Слово вылетает, как гравий. Его глаза впиваются в мои. — В какую бы игру ты ни играла, прекрати.

Я вздергиваю подбородок, встречая его напор. — Или что?

На мгновение воздух трещит между нами. Его взгляд опускается на мой рот, и я чувствую, как у него сбивается дыхание. Затем он отшатывается, как обожженный, отступая к дальней стене. Его поза напряжена, руки сцеплены за спиной в военной стойке.

— Или я попрошу кого-нибудь другого охранять тебя. — Но грубость в его голосе выдает его.

Я прячу улыбку. О самообладании Эрика Иванова, возможно, ходят легенды, но я уже видела трещины. Теперь мне просто нужно их расширить.

Глава 4

Эрик

Я расхаживаю перед дверью Катарины, мой член уже напрягается под тактическими штанами. Черт. Еще две минуты, прежде чем я сменю Виктора. Два дня этой пытки, и она заползла мне под кожу глубже, чем это когда-либо удавалось ни одному врагу.

— Ты выглядишь как человек, который не знает, чем себя занять. — Хриплый голос Виктора прерывает мои мысли.

Я ворчу, сохраняя жесткую позу. Всплывают воспоминания о вчерашней понимающей ухмылке Катарины. То, как она потягивалась, выгибая спину, притворяясь, что разминает мышцы.

— Она молчит. — Виктор смотрит на часы. — Читает технические журналы, которые мы ей дали.

Мои челюсти сжимаются. Даже от этой невинной детали жар бросает на юг. То, как она прикусывает губу, когда сосредотачивается, как ее пальцы водят по страницам...

— Эрик?

— Что?

— Ты снова скрипишь зубами. — Глаза Виктора сужаются. — Может, мне стоит понаблюдать подольше...

— Нет. — Слово выходит резче, чем предполагалось. — Иди. Я разберусь.

Он колеблется, но годы совместной работы заставляют его доверять моему мнению. Дверь со щелчком закрывается за ним, когда он уходит.

Я настраиваю себя, заставляя свое тело сотрудничать. Это бесполезно. Каждое прикосновение ткани к моему члену напоминает мне о вчерашнем освобождении в душе и о том, что было до этого в моей комнате. Быстрые, жестокие сеансы, пытающиеся вычеркнуть ее из моего организма.

Сделав глубокий вдох, я смотрю на часы. Время. Я в последний раз оглядываю коридор, прежде чем войти.

Катарина валяется на кровати, на коленях у нее открытый журнал. Ее волосы волнами ниспадают на плечи, и у меня руки чешутся схватить их, запрокинуть ее голову назад и...

— Привет, Эрик. — Ее голос источает сладкий, как мед, яд. — Скучал по мне?

Мой член пульсирует, и я заставляю себя поддерживать зрительный контакт. Не позволяю своему взгляду скользить по плавному подъему и опусканию ее груди или по тому, как задралась ее рубашка, обнажая полоску бледной кожи.

Я занимаю позицию у двери, уже зная, что следующие восемь часов будут сушим адом.

Я слежу за движениями Катарины, как хищник, каждый мускул напряжен. Она встает с кровати с кошачьей грацией, потягиваясь так, что ее рубашка задирается выше. Мои руки вытягиваются по бокам, и я сосредотачиваюсь на дыхании. Вдох, задержка, выдох. Так, как нас учили в Спецназе.

Она пересекает комнату, бесшумно ступая босыми ногами по ковру. Я переношу свой вес, становясь между ней и дверью — чистый инстинкт. Но она не собирается убегать. Нет, она идет прямо на меня.

Мой пульс учащается. Это не страх. Это то, что мне нужно подавить.

— Здесь становится тесновато. — Она проводит пальцами по волосам, и до меня доходит аромат ее шампуня. — Девушке нужны физические упражнения, ты знаешь?

Я ничего не говорю. Слова — это оружие, и она слишком искусна в обращении с ними. Она подходит ближе. Еще ближе. Моя рука тянется к ножу на поясе. Но здесь нет никакой угрозы, кроме моего самоконтроля. Она тоже это знает — я вижу это по легкому изгибу ее губ.

— Не надо. — Предупреждение вырывается прежде, чем я успеваю его остановить.

Ее улыбка становится шире. — Что «Не надо», Эрик?

Она проходит мимо меня, ее рука задевает мою грудь. От прикосновения по моему телу разливается электричество, и мне приходится напрячь мышцы, чтобы удержаться и не схватить ее.

— Я собираюсь принять душ. — Она бросает эти слова через плечо, направляясь в ванную. — Хочешь посмотреть?

Дверь ванной со щелчком закрывается, и я делаю вдох, о котором и не подозревал, что задерживал. Блядь. Она играет со мной, как искусный стратег, и мое тело предает все средства защиты, которые я построил.

Звук льющейся воды наполняет комнату. Я возвращаюсь на свое место у двери, не обращая внимания на то, что моя кожа все еще горит там, где она ко мне прикасалась.

Звук воды, ударяющейся о кафель, мучает меня. Каждый всплеск вызывает в воображении образы, которых у меня не должно быть — вода, стекающая по ее изгибам, мыло, скользящее по ее коже. Мой член пульсирует, и я меняю позу. От этого движения становится только хуже.

Я сосредотачиваюсь на стене. Обычная бежевая краска. Ничего интересного. Ничего, что напоминало бы мне о мягкой плоти, или влажной коже, или...

Черт.

Трубы скрипят, когда отключают воду. Я слышу шорох, а затем дверь ванной открывается. Клубится пар, унося с собой ее запах.

Мои глаза выдают меня прежде, чем я успеваю их остановить. Она стоит там в одном полотенце. Ткань едва прикрывает то, что нужно, и ее ноги... Господи, ее ноги тянутся вечно.

Из моего горла вырывается рычание. — Возвращайся туда и одевайся.

— Но моя одежда здесь. — Ее голос источает невинность, но глаза сверкают вызовом.

— Сейчас. — Я беру ее сумку со свежей одеждой, стоящую рядом с кроватью, и бросаю к ее ногам.

Она наклоняется, чтобы поднять ее — медленно, обдуманно. Полотенце задирается, и я мельком вижу ее бедро, из-за чего мое зрение затуманивается.

— В ванную. Сейчас. — Каждое слово звучит грубо, скорее по-звериному, чем по-человечески.

Она выпрямляется, прижимая сумку к груди. От этого движения полотенце слегка распускается.

— Что-то не так, Эрик? — Ее язык ласкает мое имя, и мне приходится сжать руки в кулаки, чтобы удержаться и не потянуться к ней.

— Одевайся. В... Ванной.

Улыбка играет на ее губах, когда она поворачивается, открывая мне вид на ее обнаженные плечи и элегантную линию спины. Дверь ванной снова закрывается, и я прерывисто выдыхаю.

Мое сердце колотится о ребра, как будто пытается вырваться, как будто знает, что я в более серьезной беде, чем любое поле боя, в которое я когда-либо попадал.

Дверь ванной открывается, и я чуть не проглатываю язык. Катарина выходит в черных брюках для йоги, которые подчеркивают каждый изгиб тела, в сочетании с белой рубашкой такого кроя, что она не оставляет места для воображения.

Будь ты проклят, Алексей. Выбор одежды моим братом одежды для нашей пленницы не может быть совпадением. Он издевается надо мной, и я это знаю.

Она проходит мимо, и трусики натягиваются на ее заднице так, что у меня пересыхает во рту. Ткань такая тонкая, что я вижу очертания ее стрингов. Мой член пульсирует под молнией, когда она наклоняется, чтобы взять с кровати свой журнал.

Рубашка задирается, обнажая полоску кожи над поясом. Капля воды падает с ее влажных волос, стекает по шее и исчезает под белой тканью. Я отслеживаю его путь, как человек, умирающий от жажды.

— Что-то не так с моей одеждой, Эрик? — Она откидывается на спинку кровати, скрепя ноги. Это движение заставляет штаны для йоги натягиваться еще туже.

Я заставляю себя поднять глаза на ее лицо, но от этого не становится лучше. Ее губы изгибаются в понимающей улыбке, от которой мне хочется...

Нет.

Я возвращаюсь на свое место у двери, намеренно отводя от нее взгляд. Но зеркало на противоположной стене отражает ее образ. Она вытягивает руки над головой, выгибая спину. Рубашка снова задирается.

Блядь. Я собираюсь убить Алексея. Он точно знал, что делал, когда выбирал эту одежду. Вероятно, смеялся до упаду, делая это.

Худшая часть? Она выглядела бы так же сногшибательно в мешке из-под картошки. Каждое ее движение воспаляет мою кровь. То, как она двигается, едва заметное движение мышц под тканью, изящная линия шеи, когда она наклоняет голову, чтобы прочитать...

Я хватаюсь за нож, висящий у меня на поясе, позволяя стали впиваться в ладонь. Впереди еще семь с половиной часов этой пытки.

Глава 5

Катарина

Я лениво потягиваюсь на диване, стараясь выгнуть спину ровно настолько, чтобы привлечь внимание Эрика. Его напряженная поза не менялась часами, но выпуклость на его тактических штанах говорит о другом. Каждое мое легкое движение заставляет его неловко ерзать, его руки сжимаются и разжимаются по бокам.

Дверь открывается, и входит шеф-повар с моим подносом с ужином. Впервые за два часа мрачный взгляд Эрика останавливается на мне. От напряжения в этих глазах у меня по спине пробегает дрожь, которую я не могу полностью подавить.

— Ваш ужин, мисс Лебедева. — Шеф-повар ставит накрытый поднос на стол.

Я медленно поднимаюсь. — Спасибо. — Мой голос звучит хриплее, чем предполагалось.

Челюсть Эрика сжимается, когда я наклоняюсь над столом, чтобы поднять серебряную крышку, намеренно позволяя ему заглянуть под мою рубашку. Резкий вдох приносит глубокое удовлетворение. Я играю с огнем, и я знаю это — этот опасный человек может свернуть мне шею за считанные секунды. Но есть что-то опьяняющее в обладании таким уровнем власти над кем-то настолько смертоносным.

Я откидываюсь на спинку дивана со своей тарелкой и медленно скрещиваю ноги. Эрик снова устраивается поудобнее, вероятно, думая, что я не замечаю. Но я замечаю в нем все: как расширяются его зрачки, когда я облизываю вилку, как прерывается его дыхание, когда я потягиваюсь, едва уловимую дрожь в его руках, когда я подхожу слишком близко.

Притяжение между нами натягивается, как провод под напряжением. Часть меня хочет увидеть, что произойдет, если я столкну его с края. Но я напоминаю себе, что это всего лишь игра — он мой похититель, не более того. Я всего лишь пытаюсь сломить его железный контроль, чтобы доказать, что могу повлиять на него, и, возможно, тогда я смогу найти выход.

Я откусываю еще кусочек, издавая тихий стон признательности. Костяшки его пальцев белеют там, где они сжимают ремень.

— Не хочешь присоединиться ко мне? — Я указываю на место рядом с собой на диване. — Ужинать гораздо приятнее в компании.

Темные глаза Эрика сужаются. — Нет.

— Даже небольшая беседа? — Я откусываю еще кусочек, позволяя вилке скользить между губами. — Должно быть, скучно стоять и смотреть, как я ем.

— Я здесь не для того, чтобы развлекать тебя. — Его голос звучит грубо.

Я ерзаю на диване, поджимая под себя ноги. — Тогда зачем ты здесь, Эрик? Держать меня в узде? — Я наклоняюсь вперед. — Или есть другая причина, по которой ты получил это назначение?

Его пальцы дергаются рядом с оружием. — Прекрати.

— Прекратить что? — Я наклоняю голову, изучая напряженную челюсть. — Я просто поддерживаю разговор. Разве это не то, что делают нормальные люди?

— Мы ненормальные люди.

— Нет? — Я встаю с тарелкой в руке и делаю шаг к нему. — Тогда кто мы?

Рука Эрика взлетает вверх ладонью наружу. — Оставайся на месте.

— Или что? — Еще шаг. — Ты причинишь мне боль? Мы оба знаем, что это не то, чего ты хочешь.

Его грудь быстро поднимается и опускается. — Последнее предупреждение.

Я ставлю тарелку на приставной столик, не отрывая взгляда. — Ты не так все контролируешь, как притворяешься. Я вижу тебя насквозь, Эрик Иванов.

— Ты ничего не видишь. — Слова вырываются как рычание.

— Я все вижу. — Я делаю еще один обдуманый шаг. — Каждую реакцию. Каждый вздох. Каждый раз, когда ты приспособливаешься, когда думаешь, что я не смотрю.

Его глаза опасно вспыхивают. — Ты играешь в игры, которых не понимаешь.

— Тогда научи меня правилам.

Мир кружится, когда руки Эрика хватают меня, и моя тарелка падает на пол, разбиваясь. Только что я дразнила его, а в следующий момент меня швыряет лицом о стену, у меня перехватывает дыхание. Его тело прижимает меня к себе, сплошные твердые мышцы и контролируемая жестокость.

— Что...

Он разворачивает меня и ведет к кровати. Мое сердце колотится о ребра, страх, наконец, прорывается сквозь мою самоуверенную маску. Его пальцы впиваются в мой бицепс, когда он толкает меня на матрас.

Матрас прогибается под весом Эрика, когда он садится на меня верхом, его массивное тело загоразивает потолочный свет. У меня перехватывает дыхание, когда он вытаскивает кабельные стяжки из своего тактического жилета. Пластик хрустит, когда он прикрепляет мое правое запястье к столбику кровати, и я не могу удержаться, чтобы не проверить фиксатор — он не поддается.

— Это то, что тебя заводит? — Я бросаю вызов, но мой голос дрожит, когда он хватается за мое левое запястье. Его мозолистые пальцы касаются моей кожи, посылая по мне непрощенную дрожь.

Эрик работает молча, методично перевязывая каждую лодыжку. Вблизи я действительно понимаю, насколько он огромен — его плечи в два раза шире моих, бицепсы толщиной с мои бедра. Одна из этих рук могла бы полностью обхватить мое горло.

Он перемещает свой вес, и я чувствую грубую силу в его мышцах. Осознание поражает меня: если бы он хотел причинить мне боль, я бы ничего не смогла сделать, чтобы остановить его. Этот человек убивал людей голыми руками. Я точно знаю, на что он способен.

— Ты зашла слишком далеко, — рычит он, проверяя последнюю фиксацию. Его лицо нависает в нескольких дюймах от моего, темные глаза горят чем-то, от чего мое сердце учащенно бьется. — Ты останешься привязанной до конца моей смены.

Я снова дергаю за стяжки, проверяя каждую, надежно ли они закреплены. Пластик впивается в кожу, но держится крепко. Тепло тела Эрика проникает сквозь мою тонкую одежду, когда он нависает надо мной, и я остро ощущаю каждую точку, где мы почти соприкасаемся.

Моя грудь быстро поднимается и опускается, когда он отстраняется, и я замечаю, что его руки слегка дрожат. То ли от сдержанности, то ли от желания, я не уверена. Но то, как он смотрит на меня — как хищник, оценивающий добычу, — заставляет меня задуматься, не зашла ли я, наконец, слишком далеко.

Я вглядываюсь в выражение его лица, ища хоть малейшую трещинку в его маске. Там ничего. Ни желания. Ни борьбы. Только пустая тьма в глазах.

— Ты не можешь...

— Я могу делать все, что мне нужно, чтобы поддерживать порядок. — Он возвышается надо мной, плечи загоразивают свет. — Ты надавила. Я надавил в ответ. Вот как это работает.

У меня сводит живот, когда я осознаю свою ошибку. Я думала, что выигрываю, думала, что обвела его вокруг пальца. Но этот человек не какой-нибудь безвольный охранник, которым я могу манипулировать. Он позволяет мне видеть именно то, что он хочет, чтобы я увидела.

— Сейчас. — Он отступает назад, возвращаясь на свое место у двери. — Тихо и веди себя прилично, или узы затянутся еще туже.

Я проверяю стяжки. Они плотно прилегают, но не препятствует кровообращению. Даже в наказание он расчетлив. Я сильно недооценила Эрика Иванова, и осознание этого пугает меня больше, чем ограничения.

Глава 6

Эрик

Я выхожу из комнаты, мои руки все еще дрожат после этой встречи. Брови Виктора взлетают вверх, когда он замечает сцену позади меня — Катарина, связанная на кровати, ее ужин разбросан по полу.

— Что, черт возьми, здесь произошло? — Виктор тянет меня в коридор, его голос тих.

Я разминаю шею, пытаюсь ослабить напряжение, которое нарастало в течение нескольких часов. — Она продолжала давить. Пытается забраться мне под кожу своими маленькими играми.

— Игры? — Виктор скрещивает руки на груди.

— Соблазнение. Манипуляция. — Воспоминание о том, как ее губы обхватывают вилку, заставляет мои челюсти сжаться. — Она думала, что сможет сломить мой контроль, использовать его против меня.

— Так ты привязал ее к кровати? — В тоне Виктора слышится намек на веселье, от которого у меня сводит зубы.

— Это было необходимо. — Я сгибаю пальцы, все еще испытывая призрачное ощущение того, что они сжимают ее запястья. — Ей нужно понять свое положение здесь. Мы не играем.

Виктор долго изучает мое лицо. — Ты уверен, что это все, что было?

— А что еще это может быть? — Я огрызаюсь, но слова выходят грубее, чем предполагалось.

— Ничего. — Виктор поднимает руки. — Просто хочу убедиться, что ты держишь голову ясной. Нельзя допустить, чтобы наш лучший силовик был скомпрометирован смазливый личиком.

— Я знаю, что делаю. — Ложь имеет горький привкус на моем языке. Потому что, по правде говоря, я больше не уверен, что делаю.

— Как скажешь. — Виктор проходит мимо меня в комнату. — Дальше я сам. Иди отдохни.

Я киваю, уже отворачиваясь. Но сладкий аромат жасмина все еще остается на моей одежде, и я знаю, что уснуть будет нелегко.

Я захлопываю дверь в свою комнату, стаскиваю с себя тактический жилет и отбрасываю его в сторону. Моя кожа горит там, где она прикасалась ко мне, где ее тело прижималось к моему. Воспоминание о том, как она извивалась подо мной, когда я застегивал те кабельные стяжки...

Черт.

Я снимаю одежду, мой член становится болезненно твердым. В душе начинается струя холодной воды, но я не регулирую температуру. Мне нужно пережить шок, чтобы выбросить ее из головы.

Однако ледяные брызги никак не стирают образ Катарина, распростертой поперек кровати, со связанными над головой запястьями. То, как вздымалась ее грудь при каждом вздохе. Как потемнели ее глаза, когда я схватил ее за бедра, чтобы удержать на месте.

Моя рука упирается в стенку душа, когда вода стекает по моей спине. Я не должен был прикасаться к ней. Не должен был позволять ей проникать мне под кожу, пока я не сорвался. Теперь ощущение ее нежной кожи под моими грубыми руками запечатлелось в моей памяти.

Стяжки были задуманы как форма наказания. Вместо этого, видя, что она скована и находится в моей власти, я только усилил свою потребность в ней, что было ошибкой любителя. Я знаю, что это не так.

Я делаю воду холоднее, позволяя онеметь моей коже. Но я все еще слышу ее резкий вдох, когда я впервые схватил ее, все еще вижу вызов в ее глазах, даже когда я связывал ее. То, как выгнулось ее тело...

Мой член болезненно пульсирует. Физическая близость с ней была тактической ошибкой. Теперь, каждый раз, когда я закрываю глаза, все, что я могу представить, — это связанную Катарину, ожидающую меня на этой кровати.

Ледяная вода никак не облегчает мою потребность. Мой член напрягается под моей ладонью, когда я обхватываю пальцами толстую длину. Образы Катарины заполняют мой разум — ее вызывающие зеленые глаза, то, как вздымается ее грудь при каждом вздохе, ее изгибы, прижатые ко мне, когда я фиксировал ее запястья.

Я глажу себя сильнее, быстрее, позволяя воспоминаниям подпитывать мое освобождение. Вода бьется о мои плечи, но все, что я чувствую, — это призрачное ощущение ее мягкой кожи под моими руками. То, как она ахнула, когда я схватил ее за бедра. Как идеально она прижалась ко мне, когда я прижал ее к себе.

Мои мышцы напрягаются, когда нарастает давление. Я представляю ее связанной и распростертой на кровати в ожидании меня. Представляю, как стягиваю штаны для йоги с ее длинных ног, обнажая каждый дюйм ее тела. Беру то, что хочу. Делаю ее своей.

— Черт, — рычу я, мое освобождение наступает сильно и быстро. Я прижимаюсь к стене душа, когда удовольствие пронзает меня, заставляя дрожать.

Свидетельства моей слабости смываются в канализацию. Стыд и отвращение к себе следуют за мной по пятам. Я должен быть ее похитителем, а не каким-то гормонально зависимым подростком, который не может контролировать свои порывы. Думать о пленнице подобным образом непрофессионально. Опасно.

Я выключаю воду и хватаю полотенце, грубо вытираясь. Разрядка помогла мне прояснить голову, но я знаю, что это временно. Как только я увижу ее снова, почувствую запах ее духов, увижу, как эти губы изгибаются в понимающей улыбке...

Мне нужно взять себя в руки. Быстро. Потому что еще восемь часов с ней могут сломать меня окончательно.

Я лежу в постели, уставившись в потолок, но сон не приходит. Мои мышцы подергиваются от неутомимой энергии, которая не рассеивается.

К черту все.

Я надеваю спортивную форму и направляюсь в отдельный тренировочный зал. Первый удар моего кулака приходится по тяжелой сумке. Затем еще. И еще. Пот стекает у меня по спине, пока я придумываю комбинации, пытаюсь выбросить ее образ из головы.

Бросок для отжиманий. Раз. Два. Три. Но все, что я вижу, — это зеленые глаза, бросающие мне вызов, и изгиб ее губ, когда она одаривает меня этой чертовски понимающей улыбкой.

Возвращаюсь к сумке. У меня хрустят костяшки пальцев, несмотря на обмотку. Хорошо. Физическая боль лучше, чем эта извращенная потребность, горящая в моих венах.

— Тренируешься дважды за день? Должно быть, все серьезно.

Голос Алексея прерывает ритм моего дыхания. Я не оборачиваюсь; я продолжаю бить по груше.

— Не сейчас, Алексей.

— Да ладно тебе. Я просто хочу поболтать о нашей прекрасной гостье. — Его тон сочится весельем. — О том, как ты выбежал раньше, связав ее... Мы становимся немного одержимыми, не так ли?

Мой кулак сильнее врезается в сумку. — Я сказал «не сейчас».

— Знаешь, для кого-то настолько контролируемого, она действительно действует тебе на нервы. — Алексей обходит сумку, заставляя меня увидеть его ухмылку. — Никогда раньше не видел, чтобы ты так волновался из-за женщины.

Цепочка сумки скрипит, когда я набираю очередную комбинацию. Мой контроль висит на волоске.

— Еще одно слово, — рычу я, — и я использую тебя вместо боксерской груши.

— Какой обидчивый. — Алексей поднимает руки, но понимающий взгляд остается прежним. — Просто помни, что Катарина Лебедева — это не игрушка, которую можно сломать. Она великолепна в том, что делает. Было бы позором повредить этот разум только потому, что ты не можешь держать член в штанах.

Мой кулак дергается. Желание стереть ухмылку с его лица обжигает меня.

— Достаточно. — Рываю я. В два шага я прижимаю Алексея к бетонной стене, прижимая предплечье к его горлу. Моя кровь шумит в ушах, каждый мускул напряжен.

— Какую часть "не сейчас" ты не понял? — Я нажимаю сильнее, но Алексей только усмехается.

— Видишь? Это именно то, что я имею в виду. — Он хрипло смеется, несмотря на давление на трахею. — Тот Эрик, которого я знаю, никогда бы так не потерял контроль. Она в твоей голове, брат.

Я наклоняюсь ближе, голос понижается до опасного шепота. — Продолжай давить и посмотрим, что произойдет.

— Оо, как страшно. — Алексей шевелит бровями. — Но мы оба знаем, что на самом деле ты не причинишь мне вреда. Ты слишком сильно любишь своего младшего брата.

Хуже всего то, что он прав. Даже с яростью, бурлящей в моих венах, я бы никогда серьезно не причинил ему вреда. Алексей знает это, вот почему он продолжает тыкать в мои слабые места своей невыносимой ухмылкой.

— Кроме того, — продолжает он, — кто-то должен следить за твоей честностью. И наблюдать, как ты извиваешься из-за Катарины, — самое большое развлечение, которое у меня было за последние недели.

Моя хватка на мгновение усиливается, прежде чем я отпускаю его, отступая назад. Не говоря больше ни слова, я поворачиваюсь и иду к двери, оставляя его потирать горло.

— Приложи лед к плечу, старший брат, — кричит мне вслед Алексей. — Тебе нужно быть в отличной форме для завтрашней службы в карауле!

Я не отвечаю, позволяя тяжелой двери спортзала захлопнуться за мной.

Глава 7

Катарина

Я смотрю на стену, в сотый раз считая крошечные дефекты краски. На моих запястьях все еще видны слабые следы от стяжек, напоминание о том, как сильно я недооценила самоконтроль Эрика.

Звук его ровного дыхания наполняет комнату, пока он остается на своем месте у двери. Я ерзаю на кровати, намеренно оставаясь к нему спиной, притворяясь, что читаю одну из книг в мягкой обложке, которые они мне оставили.

Переворачивается страница. Еще один вздох. Тиканье часов на стене.

Мою кожу покалывает от осознания его присутствия, но я заставляю себя оставаться неподвижной. Никаких провокационных потягиваний. Никаких долгих взглядов. Никаких игр.

Эрик шаркает ботинком по полу — редкий перерыв в его обычной молчаливой позе. Я сдерживаю улыбку, не отрывая взгляда от слов, которые на самом деле не читаю.

— Твоя еда остывает. — Его голос звучит грубее, чем обычно.

Я пожимаю одним плечом, не потрудившись поднять взгляд. — Не голодна.

Еще один шорох его ботинка. Кожаная кобура скрипит, когда он меняет позу.

Тишина натягивается между нами, как слишком туго натянутая резиновая лента. После вчерашней катастрофы моя гордость не позволяет мне начать первой.

— Тебе нужно поесть. — Слова выходят отрывистыми, почти сердитыми.

— Я поем, когда проголодаюсь. — Переворачиваю страницу, по-прежнему не глядя на него.

Резкий выдох. Снова скрип кожи. Напряжение в комнате возрастает еще на одну ступень.

Я рискую взглянуть краем глаза. Челюсть Эрика сжата так сильно, что я вижу, как подрагивают мышцы. Его руки постоянно сгибаются по бокам. Прежний неподвижный солдат исчез — теперь он практически вибрирует от сдерживаемой энергии.

Интересно. Очевидно, мое безразличие беспокоит его больше, чем мои предыдущие попытки соблазнения. Я прячу лицо за книгой, чтобы скрыть свое удовлетворение. Приятно это знать.

Я соскальзываю с кровати, стараясь держаться на расстоянии от Эрика, пока собираю свою одежду. Его темные глаза отслеживают каждое мое движение, но я сохраняю нейтральное выражение лица, отказываясь доставлять ему удовольствие своей реакцией.

Поношенный хлопок моей рубашки комкается в моих руках, когда я направляюсь в ванную. Сердце колотится о ребра, но я заставляю себя идти ровно. Размеренно. Последнее, что мне нужно, это чтобы он почувствовал мое беспокойство.

Дверь ванной кажется твердой под моей ладонью. Безопасной. Я захлопываю ее с большей силой, чем необходимо, позволяя хлопку эхом разноситься по небольшому пространству.

Только тогда, когда между нами возник барьер, я позволяю себе выдохнуть. Мое дыхание становится прерывистым, когда я прислоняюсь к двери с закрытыми глазами.

— Возьми себя в руки, — шепчу я себе, проводя дрожащими пальцами по волосам.

В зеркале отражается женщина, которую я едва узнаю, — та, чей тщательно выстроенный фасад начал давать трещины. Под глазами у меня темные круги, и мой обычно безупречный внешний вид выглядит явно помятым.

Я кладу чистую одежду на стойку, отмечая, что мои руки все еще слегка дрожат.

Звук его шагов за дверью заставляет меня подпрыгнуть. Даже сквозь массивное дерево его присутствие кажется подавляющим. Неизбежным.

Я включаю горячую воду в душе, позволяя пару заполнить небольшое пространство. Может быть, это поможет избавиться от чувства уязвимости, которое не покидает меня со вчерашнего вечера.

Но обжигающая вода никак не может смыть воспоминание о его теле, прижатом к моему. Я прижимаюсь лбом к прохладному кафелю, пытаюсь сосредоточиться на чем-нибудь другом — на звуке воды, бьющейся о плитку, на паре, клубящемся вокруг меня, на цитрусовом аромате роскошного мыла.

Но моя кожа помнит. Его вес. Грубую силу в этих руках, когда они сжимали мои запястья. Тепло его дыхания на моей шее.

Я хлопаю ладонью по плитке. Все должно было пройти не так. Соблазнение должно было стать игрой — способом сломать его контроль и получить рычаги воздействия. Я не должна была на самом деле хотеть его.

Мое тело предает меня с каждым вздохом.

— Черт возьми, — шепчу я, убавляя температуру воды. Холодный шок помогает прояснить мою голову, но едва-едва.

Я и раньше сталкивалась с влечением. Справлялась с опасными мужчинами. Играла в их игры и уходила невредимой. Но Эрик другой. В темноте, которую он несет, есть что-то честное. Никакого притворства. Никаких манипуляций. Просто чистое, сдержанное насилие, обернутое жестким контролем.

И да поможет мне Бог, но я хочу увидеть, как этот контроль снова сломается.

Я провожу пальцами по исчезающим отметинам на запястьях, вспоминая, как легко он одолел меня. Эта мысль должна привести меня в ужас. Вместо этого тепло разливается внизу моего живота.

Вот почему я отступил. Вот почему я сейчас держу дистанцию. Потому что еще одно прикосновение, еще один вкус этой опасной химии между нами, и я, возможно, не смогу удержаться от того, чтобы не сгореть.

Дрожащими руками я выключаю воду. Мне нужно взять себя в руки. Мне нужно помнить, почему я здесь и что поставлено на карту.

Я не тороплюсь одеваться, разглаживая мягкую ткань чистой рубашки по коже. Мои пальцы методично перебирают влажные волосы, заплетая их в аккуратную косу.

В зеркале видно, что цвет моего лица вернулся к своему обычному блеску. Я расправляю плечи и в последний раз проверяю свой внешний вид.

Когда я открываю дверь ванной и выхожу в комнату, Эрик преграждает мне путь. Его темные глаза пристально смотрят на меня. Я пытаюсь обойти его, но он повторяет мое движение.

— Подвинься, пожалуйста. — Слово звучит резко, повелительно.

Он не двигается с места. Вместо этого он делает шаг вперед, вынуждая меня отступить к двери ванной.

Руки Эрика ударяют по двери по обе стороны от моей головы. Его грудь почти касается моей с каждым тяжелым вздохом. Ушел суровый солдат — на его месте стоит нечто дикое.

— Разве ты не этого хотела? — Его голос понижается до рычания, от которого у меня по спине бегут мурашки. — Ты все давила и давила, пытаюсь заставить меня сорваться. — Его бедра прижимают меня к двери, его жар обжигает меня сквозь одежду. — Хотела, чтобы я потерял контроль и взял то, что хочу.

Его слова источают мрачное обещание, от которого у меня перехватывает дыхание. Это именно то, чего я хотела — и теперь, когда получила, я не уверена, что смогу с ним справиться.

— После этого я перестала давить на тебя. — Мой голос звучит громче, чем предполагалось. — Или ты не заметил?

Губы Эрика изгибаются в опасной улыбке, от которой у меня замирает сердце. — Я заметил. Вопрос в том, остановились ли ты, потому что испугалась или потому, что тебе это слишком понравилось?

Жар приливает к моим щекам, предавая меня. Я пытаюсь отвернуться, но его рука хватается за подбородок.

— Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю. — Он проводит большим пальцем по моей нижней губе. — У тебя учащается пульс. Это от страха? — Другая его рука скользит к моему горлу, ощущая трепет под моей кожей. — Нет. Я так не думаю.

Я тяжело сглатываю, зажата между его телом и дверью. — Ты должен охранять меня, а не...

Его губы касаются моего уха, прерывая мои слова. — Хочешь знать, о чем я думал, пока ты была привязана к кровати? — Его голос становится ниже, грубее. — Как идеально ты выглядела, растянувшись подо мной. Как эти застежки впивались в твою кожу, когда ты сопротивлялась. — Его зубы задевают мочку моего уха. — Как легко было бы провести рукой по твоему бедру, почувствовать, какой влажной ты стала от борьбы с этими оковами.

У меня перехватывает дыхание. Каждое слово посылает электрический разряд по позвоночнику, мешая думать.

— Я хотел запустить руку в твои красивые волосы, — продолжает он, вплетая пальцы в мою косу. — Запрокинуть голову и следить за своим лицом, пока я...

Всхлип вырывается из моего горла прежде, чем я успеваю его остановить. Хватка Эрика в ответ усиливается, оттягивая волосы ровно настолько, чтобы причинить боль.

Дверь ванной давит мне на спину, твердый барьер, в котором нет выхода. Рот Эрика впивается в мой, пожирая меня с такой яростью, что у меня перехватывает дыхание.

Его поцелуй доминирующий, не оставляющий места для отказа. Я пытаюсь вывернуться, но его пальцы сжимаются в моих волосах, удерживая меня на месте.

Мое тело реагирует, несмотря на панику. Предательский жар разливается внизу живота, когда его язык касается моего. Но это не то, чего я хочу. Это слишком много, слишком быстро.

— Прекрати, — выдыхаю я, толкая его в грудь. — Пожалуйста...

Он не слушает. Его поцелуй становится глубже, язык вторгается в мой рот, а руки с грубой настойчивостью блуждают по моему телу. Паника наполняет мои вены, сердце бешено колотится в груди.

— Эрик, пожалуйста. — Я борюсь с ним, но это все равно что бороться с кирпичной стеной. — Ты делаешь мне больно.

Его руки скользят вниз по моим рукам, хватая запястья и прижимая их к двери по обе стороны от моей головы. — Боже, я хотел сделать это с того самого момента, как увидел тебя.

— Это неправильно. — Мой голос звучит напряженно. — Мы враги. Я...

Его рот снова накрывает мой, пресекая мои протесты. Я ощущаю отчаяние в его поцелуе, едва сдерживаемую дикость, которая пугает меня, хотя и возбуждает.

— Ты хочешь этого, — бормочет он мне в губы.

— Нет... — Это ложь, и мы оба это знаем. Хочу, чтобы у меня в животе свернулись спирали, сжимающиеся с каждым резким вздохом.

Его руки скользят к моим бедрам, приподнимая меня, когда он прижимается ко мне своей затвердевшей длиной. Я невольно стону, мое тело выгибается навстречу ему. Потребность пульсирует во мне — ошеломляющая физическая реакция, которая пугает меня своей интенсивностью.

Это неправильно. Опасность вспыхивает в его глазах, смешиваясь с голодом, от которого у меня подгибаются колени. Я должна положить этому конец.

Я бью его коленом в пах.

Он стонет от боли, но его хватка только усиливается. — Борись со мной сколько хочешь, Катарина. Ты же знаешь, что тоже этого хочешь.

— Нет! — Я борюсь изо всех сил, паника подпитывает мои силы. — Отстань от меня!

Но он слишком силен. Его пальцы нащупывают край моей рубашки, задирают ее, обнажая кожу. Он срывает мой лифчик с безумной потребностью, рыча мне в ухо. — Такая мягкая.

Я брыкаюсь и извиваюсь, но его поцелуй крадет мое дыхание, мои протесты. Его зубы покусывают мою шею, посылая по мне волны удовольствия, которые только подпитывают мое отчаянное желание сбежать.

— Пожалуйста, я серьезно. — Мой голос срывается, когда я пытаюсь умолять его остановиться. Я извиваюсь рядом с ним, ища свободы, но он только крепче сжимает меня. Моя кожа горит, его имя мольбой сходит с моих губ. Но он не обращает внимания на мои крики.

Его рот находит мой сосок, грубо посасывая, в то время как его пальцы расстегивают мои штаны для йоги, стаскивая их вниз по ногам вместе с трусиками.

Я обнажена, уязвима, пригвожденная к двери его безжалостным нападением. Моя борьба ослабевает, поскольку желание угрожает поглотить меня. — Эрик, я не могу...

Его пальцы касаются моего набухшего лона, вырывая крик из моего горла. Остальные протесты замирают у меня на губах, когда мое тело выдает меня своей ноющей потребностью.

— Ты можешь, — выдыхает он срывающимся голосом. — Ты хочешь меня, не так ли?

Стыд борется с потребностью, которая пронизывает меня по спирали. Это неправильно. Это слишком. Но мое тело пульсирует от каждого прикосновения его пальцев, призывая меня сдаться.

Я поймана, беспомощна, зажата между дверью и его твердым телом. Его пальцы проникают в меня, толстые и требовательные.

— Ты такая влажная для меня. — Его рычание посылает электрический разряд по моему позвоночнику. — Ты не можешь лгать об этом. Твое тело выдает тебя.

Его рот находит мой, заглушая мой стон. Я ошеломлена пронзающим меня удовольствием, мое тело приближается к краю, несмотря на мои отчаянные попытки сопротивляться.

Большой палец Эрика находит мой клитор, потирая грубые круги. Моя спина выгибается, бедра прижимаются к его руке, когда я стону его имя. Ощущения выходят из-под контроля, унося меня все ближе к пропасти.

— Вот и все, — рычит он, его собственное дыхание становится хриплым. — Кончи для меня.

Я пытаюсь удержаться, мои ноги скребут по полу, но выхода нет. Невозможно остановить волну удовольствия, захлестывающую меня.

Рот Эрика накрывает мой, лишая меня криков, когда мое тело сотрясается в конвульсиях вокруг его пальцев со стирающей разум силой. Темнота застилает мне зрение, даже когда удовольствие продолжает пульсировать во мне.

Слишком сильно. Я всхлипываю ему в рот, мои бедра дрожат.

Но он не останавливается. Он тянет меня за бедра, поворачивая. Мои руки взлетают к двери в поисках опоры, а ноги подкашиваются. Грубые пальцы впиваются в мои бедра, притягивая меня обратно к его тазу.

— Я не могу остановиться, — рычит он мне в шею. — Не сейчас.

Головка его члена упирается в меня, толстая и настойчивая. Я стону, наполовину от удовольствия, наполовину от страха, когда он держит мои запястья одной рукой, заведя их мне за спину. Его зубы задевают мое плечо, когда он входит в меня.

У меня перехватывает дыхание в легких. Грубое дерево впивается в кожу, когда я толкаю дверь, ища опору.

Толчки Эрика жесткие и быстрые, подпитываемые тем же отчаянием, которое охватывает меня сейчас. Его рука сжимается вокруг моих запястий с каждым движением его бедер, удерживая меня в плену.

Наше хриплое дыхание заполняет небольшое пространство, смешиваясь с влажными звуками нашего соединения. Я должна бороться, но мое тело жаждет большего, выгибаясь навстречу каждому толчку.

Мир сужается до этого момента — прикосновения его кожи к моей, непреодолимой потребности, подпитывающей каждый его толчок. Я теряю контроль и несусь к другому краю обрыва.

Его рука движется между нами, большой палец с неослабевающей силой обводит мой клитор. Ощущения нарастают, вырывая из моего горла резкий стон.

Ужас охватывает меня, когда до меня доходит реальность моей ситуации. Это больше не игра, больше не то, что я могу контролировать. Я сопротивляюсь с новой силой, отчаянно пытаюсь вырваться, но он держит меня крепко, его хватка оставляет синяки.

— Теперь ты моя. — Его дыхание обжигает мою шею, посылая мурашки по спине. — Ты хочешь этого, не так ли, шлюха? Хочешь, чтобы я воспользовался твоим сладким телом.

Мои щеки пылают от такого унижения, даже когда жар все сильнее скручивает мое нутро. Его большой палец продолжает свою безжалостную атаку на мой комочек нервов, подталкивая меня ближе к краю.

— Умоляй меня. — Его свободная рука шлепает меня по заднице, заставляя меня вскрикнуть. — Давай, красавица, попроси мой член.

Сейчас я вне борьбы и вне стыда. Удовольствие змеей обвивается вокруг моего позвоночника, обостряя все мои чувства. Я хочу этого. Мне это нужно.

— Пожалуйста, — выдыхаю я, слово вырывается из моего горла. — Мне нужно... больше.

— Вот так. — Его голос становится грубым от его собственной потребности, посылая во мне еще одну искру. — Ты хочешь мой член, не так ли? Глубоко внутри тебя.

— Да, — хнычу я, все рациональные мысли улетучиваются. — Пожалуйста, просто...

Он толкается сильнее, его хватка оставляет синяки. — Скажи это. Скажи мне, какая ты шлюха.

Слова непристойны, но они раздувают пламя моего желания. Я стораю, охваченная такой сильной потребностью, что она стирает все остальное.

— Я шлюха, — выдыхаю я. — Я твоя шлюха, Эрик, пожалуйста...

— Моя идеальная маленькая шлюха. — Его голос понижается на октаву, посылая по мне ударную волну. — Так чертовски крепко обхватывает мой член.

Мое тело сжимается вокруг него, каждый нерв напрягается. Удовольствие нарастает, готовое разразиться как цунами. Его пальцы впиваются в мои бедра, его толчки становятся беспорядочными, когда он теряет контроль.

Звук соприкосновения кожи с кожей заполняет небольшое пространство. Мое дыхание становится прерывистым, дверь — единственное, что удерживает меня на ногах.

Его зубы находят мое плечо, его толчки толкают меня выше. Молния пронзает мои нервы, напрягая каждый мускул. С хриплым криком я разбиваюсь вокруг него, мои внутренние стенки пульсируют.

Эрик следует за мной, его тело напрягается, когда он заполняет меня. Его резкий выдох обжигает мою шею.

Постепенно мир снова обретает фокус. У меня нет костей в ногах, и мое тело насытилось впервые за несколько месяцев.

Вес Эрика ложится мне на спину, его дыхание выравнивается. Его руки обвиваются вокруг моей талии, притягивая меня к своей груди, когда он осыпает поцелуями мое плечо.

И в этот момент, когда его тело все еще соединено с моим, что-то меняется между нами. Трещина в стене, которую он возвел вокруг себя.

Мои ноги дрожат, когда Эрик уходит, оставляя меня опустошенной и холодной. Потеря его прикосновений ощущается как физический удар. В один момент меня окружает его тепло, а в следующий — ничего. Внезапно он кладет свою одежду и направляется к двери.

Его лицо снова превратилось в каменную маску, эта тщательно возведенная стена вернулась на место. Как будто последних двадцати минут никогда и не было. Как будто он только что не прижимал меня к двери ванной с дикой силой.

Мое тело болит в местах, о которых я и не подозревала. Синяки расцветают на моих запястьях и бедрах, отмечая места, где его пальцы впивались в мою плоть. Влажность наших совместных оргазмов между моими бедрами невозможно отрицать. И все же Эрик стоит там, как статуя, устремив взгляд в какую-то далекую точку.

Я ковьялю к кровати на трясущихся ногах, натягивая на себя одеяло. Простыни кажутся грубыми на моей чувствительной коже. Каждое движение напоминает мне о том, что мы только что сделали — о том, что я позволила ему сделать со мной. О чем я умоляла его сделать.

Жар приливает к моим щекам, когда я вспоминаю грязные слова, сорвавшиеся с моих губ. То, как я выгибалась под его прикосновениями, отчаянно желая большего.

Я закрываю глаза, желая, чтобы пришел сон. Но мой разум лихорадочно работает, воспроизводя каждое мгновение. Ощущение его рук на моей коже. Рычание в его голосе, когда он...

Нет. Я не могу думать об этом. Не могу позволить себе вспомнить, как хорошо было сдаться ему. Он враг. Это была ошибка.

Но сон ускользает от меня. Мое тело все еще сотрясается от толчков удовольствия, и присутствие Эрика у двери ощутимо давит на меня в комнате. Теперь я чувствую на себе его взгляд, хотя и отказываюсь смотреть.

Что я наделала?

Глава 8

Эрик

Я меряю шагами коридор перед ее комнатой, мои мышцы напряглись. Воспоминание о прошлой ночи разливается по моим венам — то, как она уступала и боролась одновременно. Мои руки все еще помнят изгиб ее бедер, следы, которые я оставил...

Черт. Мне нужно сосредоточиться. Она пленница, не более.

Но одна мысль о том, чтобы снова войти в ту комнату, сводит меня с ума.

— Ты дерьмово выглядишь. — Голос Алексея прерывает мои мысли.

Я поворачиваюсь к нему лицом, отмечая, как он переминается с ноги на ногу. Что-то не так в его поведении.

— Чего ты хочешь? — Мой тон звучит резче, чем предполагалось.

— Просто проверяю, все ли у тебя... — Он проводит рукой по своим и без того растрепанным волосам. — Ты знаешь. Хорошо.

Кусочки складываются вместе. У меня сводит живот, когда я изучаю его смущенное выражение лица. — Ты видел.

— Запись, да. — Он избегает встречаться со мной взглядом. — Послушай, я и не пытался... Я имею в виду, я проводил свою обычную проверку безопасности и...

— Удали. — Слова вырываются как рычание.

— Уже сделал. Но Эрик... — Он наконец смотрит на меня. — Это на тебя не похоже. Вот так терять контроль.

— Я не потерял контроль. — Ложь горькая на вкус.

— Верно. — От его скептического тона у меня сжимаются челюсти. — Вот почему ты стоишь здесь вместо того, чтобы начать свою смену. Потому что ты полностью контролируешь ситуацию.

Я прижимаю его к стене, прежде чем успеваю остановиться, доказывая его точку зрения. — Держись подальше от этого.

— Просто... не позволяй ей лезть тебе в голову. — Он поправляет пиджак после того, как я отпускаю его. — Она опасна не только в одном смысле.

— Это больше не повторится. — Я расправляю плечи, защищаясь от понимающего взгляда брата. — У меня все под контролем.

Губы Алексея подергиваются. — Конечно. А я, Папа Римский. — Он стучит по своему планшету. — Просто помни, чего она стоит для нас в целостности и сохранности. Морально и физически.

Я протискиваюсь мимо него, закончив этот разговор. Моя рука на долю секунды замирает на ручке двери, прежде чем я толкаю ее внутрь.

В комнате полумрак; шторы все еще задернуты. Катарина лежит, свернувшись калачиком, под одеялами, на белой подушке видны только ее темные волосы. Что-то сжимается у меня в груди при этом зрелище.

— Статус? — Спрашиваю я Виктора, который поднимается со стула.

— Тихо. Слишком тихо. — Голос Виктора понижается. — Ничего не ела. Почти не двигалась. Совсем не так, как вчера. — Он бросает взгляд на кровать. — Пытался разбудить ее около девяти, но... — Он пожимает плечами.

Тяжесть в моей груди усиливается. Я сделал это. Сломал что-то в ней своей грубостью, своей потерей контроля.

— Медицинский осмотр?

— Жизненные показатели в норме. Никаких повреждений, кроме... — Виктор прочищает горло. — Поверхностных следов.

Я отмахиваюсь от него, не нуждаясь в напоминании о том, что я сделал с ее кожей. Дверь со щелчком закрывается за ним, оставляя меня наедине с ее неподвижностью.

Часы показывают одиннадцать сорок семь утра, она должна быть на ногах, дразнить меня, строить козни или еще что-то делать. Эта тишина кажется неправильной.

Ноги сами несут меня к кровати, прежде чем я успеваю их остановить. Она не шевелится, хотя по напряжению ее плеч я знаю, что она не спит.

— Катарина. — Мой голос звучит мягче, чем предполагалось.

Она еще плотнее сворачивается в клубок, и это ощущение в моей груди превращается в удар ножом.

Я хватаюсь за край ближайшего стула, борясь с желанием прикоснуться к ней. Чтобы смягчить следы, которые я оставил на ее коже. Чтобы снова заявить на нее права.

Нет. Расстояние. Контроль. Вот что мне нужно.

Но когда я смотрю, как она отодвигается от меня, в моей груди появляется что-то темное и собственническое. Каждый ее вздох, каждое едва заметное шевеление одеяла — все это кричит о моих чувствах. Солдат во мне фиксирует каждую деталь, в то время как что-то другое полностью горит желанием обладать.

— Я... — Слова застревают у меня в горле. Извинения — не моя сильная сторона. — То, что я сделал прошлой ночью. Это было...

Она остается неподвижной, лицо скрыто завесой темных волос. Молчание растягивается между нами, как рана.

— Скажи мне, как сделать все правильно. — Просьба звучит грубо, непривычно для моего языка.

Катарина наконец поворачивается, ее зеленые глаза встречаются с моими. Пустота в них поражает сильнее, чем любой удар, который я получал в бою.

— Сделать все правильно? — В ее смехе нет теплоты. — Я твоя пленница, Эрик. В этом нет ничего правильного. — Она переворачивается на бок, плотнее натягивая одеяло. — И ничто не может это исправить.

Пренебрежение в ее голосе цепляется за что-то первобытное внутри меня. Мои пальцы глубже впиваются в деревянную обивку стула, осколки угрожают прорвать кожу.

Я хочу схватить ее. Заставить ее посмотреть на меня. Заставить ее понять, что это не...

Но что не так? Она права. Она здесь, потому что мы забрали ее. Потому что я держу ее в плену.

Потому что мне не удастся сохранять дистанцию во всех важных отношениях.

Я прохаживаюсь возле ее кровати, изучая ее свернувшуюся калачиком фигуру. Это не та свирепая женщина, которая бросила мне вызов вчера. Это молчание действует мне на нервы.

Мои губы растягиваются в ухмылке. — Так вот что нужно, чтобы приручить могущественную Катарину Лебедеву? Один грубый трах возле двери?

Ее плечи напрягаются под одеялом.

— Я ожидал от тебя большей борьбы. — Я позволяю презрению просочиться в мой голос. — То, как ты противостояла соперникам своего отца. То, как ты создала свою компанию из ничего. — Я наклоняюсь ближе. — Но вот ты здесь, прячешься под одеялами, как испуганная маленькая девочка.

Она сдвигается, и я ловлю вспышку зеленых глаз, горящих знакомым огнем.

— Скажи мне, вот как ты справляешься со всеми своими неудачами? Сворачиваешься калачиком и притворяешься, что мир не существует? — Я постукиваю по каркасу кровати. — Я думал, ты сильнее.

Одеяла откидываются, когда она садится, растрепанные волосы падают ей на лицо. — Пошел ты.

— Вот и она. — Я скрещиваю руки на груди. — Я уже начал думать, что сломил твой дух.

— Не дождешься. — Она спускает ноги с кровати, глядя на меня с новым вызовом. — Это то, чего ты хочешь? Сломать меня?

Я удерживаю ее взгляд, позволяя ей увидеть в нем вызов. — Я хочу увидеть, из чего ты на самом деле сделана, Катарина. Пока что я не впечатлен.

Ее челюсть сжимается, когда она встает, выпрямляясь в полный рост. Огонь возвращается в ее глаза, выжигая этот пустой взгляд. — Тогда ты недостаточно внимателен.

Так-то лучше. Борьба в ее голосе будоражит что-то в моей крови. Это женщина, за которой я наблюдал, та, которая отказывается отступить.

— Докажи, — говорю я.

Ее губы прижимаются к моим, прежде чем я успеваю отреагировать. Поцелуй пылает яростью и вызовом, совсем не похожим на ее прежнее соблазнение. В моем мозгу происходит короткое замыкание, когда ее пальцы впиваются в мои плечи, притягивая меня ближе.

Черт. Это не то, чего я ожидал. Я хотел спровоцировать ее гнев, ее драку — не это.

Но мое тело реагирует мгновенно, предавая все остатки контроля, которые я наработал. Мои руки сжимают ее талию, прижимая к себе, когда я отвечаю на поцелуй с такой же интенсивностью. На вкус она как огонь и вызов.

Мягкость ее тела контрастирует с агрессивностью, с которой она прикусывает мою нижнюю губу. Я рычу ей в рот, одна рука скользит вверх, чтобы запутаться в ее волосах. Она использует это, чтобы доказать свою точку зрения, показать, что она не сломлена, но я уже потерялся в ней.

Это опасно. Это именно то, чего я не должен делать. Но ее язык скользит по моему, и рациональные мысли растворяются в чистом ощущении.

Мой тактический ум пытается составить каталог угрозы — ее руки на моей груди, ее тело прижато достаточно близко, чтобы попытаться ударить коленом или схватиться за мое оружие. Но все, на чем я могу сосредоточиться, — это то, как она выгибается мне навстречу, тихий звук, который она издает, когда я крепче сжимаю ее волосы.

Я сильно просчитался. Думал, что смогу снова подтолкнуть ее к этому пламенному неповиновению без последствий. Теперь я тону в ней, все тщательные границы рушатся под натиском ее поцелуя.

Я отрываю свой рот от ее, прерывисто дыша. Мы оба — спутанные волосы и раскрасневшаяся кожа, а ее губы красные и припухшие от моих поцелуев. Ее глаза безумны, но она не отводит взгляда.

Я делаю полшага назад, отчаянно нуждаясь в пространстве, чтобы привести голову в порядок. — Ложись на кровать. — Мой голос звучит грубее, чем предполагалось, отчего у нее по спине пробегают мурашки.

Она приподнимает бровь, в ее глазах появляется искорка вызова. — Я думала, ты хочешь, чтобы я дралась.

— Ложись на гребаную кровать, Катарина.

Она долго смотрит мне в глаза, эта искорка в ее глазах подзадоривает меня овладеть ею. Затем она поворачивается и идет к кровати, покачивая бедрами. Луч полуденного света из окна выхватывает ее профиль, подчеркивая изгиб талии и округлость бедер.

Мурашки бегут по моей коже, когда она забирается на кровать, львица в моем логове. Черт, но она прекрасна и такой, вся дикая и бескомпромиссная. Мои пальцы сжимаются на краю тумбочки, и я борюсь с желанием пересечь комнату в три шага и жестко овладеть ею прямо здесь.

Нет. Медленно. Я хочу стереть память о вчерашней грубости с декадентским удовольствием. Мне нужно поглотить ее, дюйм за дюймом, пока этот затравленный взгляд в ее глазах не сменится жаром и потребностью.

Словно прочитав мои мысли, она откидывается на подушки, скрестив руки под головой. Ее поза заставляет меня не торопиться, но в ее глазах есть скрытая уязвимость, от которой у меня перехватывает дыхание.

Делая глубокий вдох, я сокращаю расстояние между нами.

Опускаясь на колени, я провожу рукой по ее икре, наблюдая, как у нее перехватывает дыхание. Она этого не ожидала.

Я цепляю пальцем пояс ее леггинсов и медленно стягиваю их вниз, обнажая намек на гладкую кожу. Ее мышцы сокращаются под моими прикосновениями, выдавая ее предвкушение. Она ничего не говорит и не делает, чтобы подбодрить или удержать меня.

Я делаю паузу, проводя большим пальцем по чувствительной коже внутренней поверхности ее бедра. Она дрожит, и до меня доносится слабый аромат ее желаний. У меня текут слюнки.

Медленно я покрываю поцелуями ее ногу, наблюдая за выражением ее лица в поисках каких-либо признаков реакции. Ее веки тяжелеют, губы слегка приоткрываются, когда я прижимаюсь носом к нежной коже под ее коленом.

Когда я, наконец, достигаю соединения ее бедер, она напрягается. Я поднимаю взгляд, встречаясь с ее глазами. Ее дыхание прерывается, когда она наблюдает, как я нависаю над ее самым чувствительным местом.

— Скажи мне остановиться, и я остановлюсь. — Мои слова наполовину ложь, потому что я не уверен, что смогу.

Она колеблется, затем почти незаметно качает головой. — Не останавливайся.

Волна удовлетворения захлестывает меня. Я прокладываю дорожку из поцелуев вверх по ее бедру, пробуя соль ее кожи. Ее пальцы сжимают одеяло, когда я придвигаюсь ближе, но она не отстраняется.

Наконец, я прижимаюсь поцелуем к ее влагилицу, мое дыхание шевелит ее завитки. Ее бедра слегка приподнимаются, и из горла вырывается сдавленный звук. Я улыбаюсь, касаясь ее кожи, вырисовывая языком узоры, прежде чем войти в устойчивый ритм.

Ее руки взлетают ко рту, заглушая звуки, когда все ее тело выгибается дугой над кроватью. Я хватаю ее за бедра, чтобы удержать на месте, пожирая ее голодными движениями своего языка. Она влажная, теплая и совершенная, ее вкус взрывается в моих чувствах.

Звуки, которые она пытается заглушить, только подстегивают меня, являясь физическим свидетельством удовольствия, которое я ей доставляю. Я наслаждаюсь ею, позволяя ее вкусу поглотить меня, забывая обо всем, кроме этого акта поклонения между ее бедер.

Когда наступает ее кульминационный момент, она всхлипывает мое имя, запутавшись пальцами в моих волосах. Я обнимаю ее все это время, теперь нежно целую, наслаждаясь затяжными толчками ее освобождения.

Когда ее дыхание начинает выравниваться, я покрываю легкими поцелуями ее тело, пока не достигаю губ. Теперь у нее другой вкус, более насыщенный, с привкусом моря.

Ее глаза распахиваются, пустота, которая была раньше, сменяется чем-то совершенно другим. Замешательство? Возбуждение? Мой большой палец проводит по припухшей нижней губе, которую я прикусил во время нашего поцелуя.

— Лучше? — Спрашиваю я, уже зная ответ.

Рот Катарины слегка приоткрывается, но она не произносит ни слова. Ее глаза ищут мои, в их зеленых глубинах кружатся вопросы.

Наконец, она кивает, на ее губах играет легкая озадаченная улыбка. — Лучше.

Я встаю с кровати, поправляю одежду. Мое тело ноет от желания, но долг зовет. Контроль важнее желания.

Ее рука хватает меня за запястье. — Куда ты идешь?

Я поворачиваюсь, изучая ее покрасневшее лицо и растрепанные волосы. — Возвращаюсь на свой пост.

Пальцы Катарини на мгновение сжимаются, ее глаза темнеют от желания. Но она не просит и не умоляет. Ее гордость не позволяет ей озвучить то, чего явно жаждет ее тело.

Она отпускает мое запястье, стискивает челюсти и отводит взгляд. Гнев исходит от нее волнами — на меня, на себя, на всю эту ситуацию.

Я поправляю пояс с оружием, наблюдая, как она отодвигается от меня. Ее плечи напряжены, и она натягивает на себя одеяло.

От этого зрелища что-то шевелится в моей груди, но я подавляю это. Так и должно быть. Я ее похититель, а не любовник. Неважно, что только что произошло между нами.

Глава 9

Катарина

Дверь со шелчком открывается, и широкая фигура Эрика заполняет дверной проем. За последние несколько дней его ледяное поведение сравнялось с холодом, который пробирается сквозь бетонные стены. Тепло от нашей встречи ощущается как далекий сон.

— Теперь у тебя больше свободы. — В его голосе нет никаких эмоций. — Территория охраняется. Ты можешь передвигаться по комплексу, пользоваться тренажерным залом и библиотекой.

Я скрещиваю руки на груди, сохраняя нейтральное выражение лица, несмотря на трепет в груди от перспективы сбежать из этих четырех стен. — Слава Богу. Я сходила с ума, запертая здесь с тобой.

Его челюсть сжимается. Легкий намек на раздражение, заставляет меня почувствовать удовлетворение.

— Правила все еще существуют. — Взгляд Эрика пригвождает меня к месту. — Никаких телефонов. Никаких компьютеров. Никаких контактов с внешним миром. И у тебя всегда будет сопровождение.

— Если только это не ты. — Я встречаю его взгляд, скривив губы. — Я лучше буду иметь дело с твоими братьями, чем проведу еще минуту, наблюдая, как ты погружаешься в раздумья.

Что-то вспыхивает в его темных глазах. Его пальцы сгибаются по бокам, прежде чем он заставляет их остановиться.

— Виктор покажет тебе окрестности через час. — Он поворачивается, чтобы уйти. — Попробуй что-нибудь, и ты вернешься сюда.

— Не могу дождаться. — Сарказм сочится из моих слов.

Дверь закрывается за ним с решительным шелчком. Я прижимаю ладонь к своему бешено колотящемуся сердцу, пытаюсь замедлить его беспорядочное биение. Свобода, даже ограниченная, означает возможности. Шансы изучить планировку, изучить их распорядок дня и найти слабые места.

Я просто должна игнорировать реакцию своего тела каждый раз, когда Эрик входит в комнату. От его присутствия у меня по коже бегут мурашки. Он враг. Я не могу забыть это, независимо от того, сколько тепла осталось в моих воспоминаниях.

Пора сосредоточиться на главном: выбраться отсюда.

Горячая вода каскадом льется мне на плечи, когда я закрываю глаза, позволяя ей смыть дни заточения. Мои мышцы жаждут движения, чего угодно, кроме хождения по этой маленькой комнате. Мысль об исследовании комплекса захватывает.

Когда я вожу мылом по телу, мои пальцы касаются отметин, которые Эрик оставил на моих бедрах, и жар разливается по телу при воспоминании о его грубых руках, сжимающих меня, прижимающих к двери ванной. Призрак его прикосновения заставляет меня дрожать, несмотря на пар, наполняющий душ.

— Сосредоточься, — бормочу я, убавляя температуру воды. Мне нужна ясная голова. Это мой шанс составить карту входов, изучить ротацию охраны и выявить любые слабые места в их системе безопасности.

Я выхожу и обматываюсь полотенцем, вытирая запотевшее зеркало. Отражение показывает исчезающие синяки на моей шее, там, где губы Эрика завладели мной. Мои бедра сжима-

ются, когда я вспоминаю его язык между ними, его требовательное рычание, когда он заставлял меня кончать снова и снова.

Черт возьми. Я беру свежую одежду из комода, которую мне предоставили, — облегающие черные брюки и рубашку с длинными рукавами. Одеваясь, я могу думать только о том, как потемнели глаза Эрика, когда он увидел меня в штанах для йоги. Как его самообладание наконец лопнуло.

Я провожу расческой по мокрым волосам, заставляя себя сосредоточиться на планах побега, а не на том, как его щетина царапает внутреннюю поверхность моих бедер. То, как его пальцы впивались в мою плоть, когда он входил в меня. Чистая животная потребность в его глазах, когда он, наконец, отпустил.

— Он враг, — твердо напоминаю я себе. Мое тело, кажется, не заботится об этом. Оно просто помнит об удовольствии и хочет его повторить.

Я в последний раз смотрю на свое отражение, расправляя плечи. Пора сосредоточиться на главном — выбраться отсюда. Неважно, насколько хорошо мне было с Эриком, свобода должна быть на первом месте.

Резкий стук в дверь возвещает о прибытии Виктора. В отличие от надвигающегося присутствия Эрика, на обветренном лице Виктора виден намек на теплоту.

— Готова к небольшому туру? — Его губы растягиваются в полуулыбке.

— Все лучше, чем пялиться на эти стены или на солдата с каменным лицом. — Я выхожу в коридор, отмечая камеры наблюдения в каждом углу.

— Эрик может быть... напористым. — Виктор ведет меня по коридору, обшитому панелями из темного дерева. — Но он обеспечивает безопасность всех.

Я фыркаю. — Ты так это называешь?

— Сюда, на кухню. — Он игнорирует мой комментарий, но в его глазах появляются понимающие морщинки. — У тебя есть полный доступ, когда проголодаешься. Гостиная вон там — телевизор, книги, все, что тебе нужно.

Кухня сверкает приборами из нержавеющей стали и гранитными столешницами. Из окон открывается вид на густой лес, простирающийся до горизонта.

— Даже не думай. — Голос Виктора становится твердым. — Мы за много миль от цивилизации. Ни дорог, ни соседей. Даже если тебе удастся миновать охрану, дикая местность убьет тебя до того, как придет помощь.

— Принято к сведению. — Я провожу пальцами по прохладной стойке.

Библиотека удивляет меня — полки от пола до потолка заставлены всем, от классики до технических руководств. — По крайней мере, я не умру от скуки.

— Последняя остановка в спортзале. — Виктор толкает двойные двери, открывая полностью оборудованное помещение. — Беговая дорожка, гантели, все, что вам нужно, чтобы оставаться активной.

— Нет возможности подышать свежим воздухом?

Он качает головой. — Беговая дорожка в помещении — лучшее, что я могу предложить. Извини, но таковы правила.

Я ценю его честность, которая контрастирует с задумчивостью Эрика. Виктор относится ко мне как к личности, а не как к собственности, которую нужно контролировать.

— Спасибо за экскурсию. — Я серьезно, несмотря ни на что. — С тобой легче иметь дело, чем с твоим коллегой.

— Просто выполняю свою работу. — Но на этот раз улыбка достигает его глаз. — Помни о границах, и мы прекрасно поладим.

— Спасибо тебе, Виктор. Правда. — Я кладу ладонь на его руку и нежно сжимаю. После нескольких дней холодного поведения Эрика доброта Виктора кажется спасательным кругом.

Воздух разрывает рычание — глубокое, дикое, опасное. Эрик стоит в дверном проеме, его массивное тело вибрирует от едва сдерживаемой ярости. Его темные глаза останавливаются на том месте, где моя рука касается руки Виктора, и от исходящего от него кровожадного намерения у меня перехватывает дыхание.

Виктор отступает назад, подняв руки. — Я оставлю тебя устраиваться. — Его голос остается ровным, но двигается он с нарочитой осторожностью, как человек, пятащийся от разъяренного медведя.

Я отворачиваюсь от горящего взгляда Эрика и направляюсь в библиотеку. Не успеваю я сделать и трех шагов, как его рука сжимает мое предплечье. Жар его объятий обжигает мою кожу сквозь тонкую ткань рубашки.

Мое сердце колотится о ребра. Напряжение, исходящее от него, отличается от его обычного контролируемого гнева. Это грубо, и я видела это лишь мельком в наши самые горячие моменты.

— Отпусти. — Я стараюсь говорить тихо и ровно.

Его пальцы сжимаются. — Ты играешь с огнем.

— Ты преувеличиваешь. Виктор просто вел себя прилично — тебе стоит когда-нибудь попробовать.

Рычание возвращается, вырываясь из его груди. Другой рукой он хватается за подбородок, заставляя встретиться с ним взглядом. От темноты, которую я там нахожу, у меня подкашиваются колени.

Я пытаюсь вырваться, но хватка Эрика остается крепкой. Его губы касаются моего уха, от его горячего дыхания у меня по спине бегут мурашки.

— Ты не жаловалась вчера утром, когда мой язык заставил тебя кончить, — шепчет он грубым голосом. — То, как ты умоляла и те звуки, которые ты издавала...

Я сжимаю челюсти, борясь с приливом жара, который вызывают его слова. — Все было не так.

— Правда? — Его пальцы скользят вверх, обхватывая мое горло, не сдавливая, просто чтобы удержать. — Похоже, тебе понравилось мое обращение. Или ты забыла, сколько раз выкрикивала мое имя?

Мое лицо горит от воспоминаний. — Отпусти меня, Эрик.

— Тогда ты не хотела, чтобы я отпускал тебя. — Его большой палец проводит по точке моего пульса. — Ты хотела большего. Требовала этого.

Я закрываю глаза, пытаюсь унять бешено колотящееся сердце. — Это была ошибка.

— Твое тело говорит об обратном. — Его слова отражаются от моей кожи. — Ты дрожишь прямо сейчас, просто думая об этом. О том, как хорошо было, когда я заставлял тебя...

— Хватит. — Я обрываю его, но мой голос дрожит.

— Ты можешь сколько угодно вести себя мило с Виктором, — продолжает он, — но мы оба знаем, чьих прикосновений ты на самом деле жаждешь.

Хуже всего то, что он прав. Я чувствую, что становлюсь влажной, реагируя на его близость, его слова и воспоминания, которые он пробуждает. И все же я не доставлю ему удовольствия признаться в этом.

— Ты закончил? — Мне удастся сохранять голос ровным, несмотря на жар, пробегающий по телу.

От его низкого смешка у меня по рукам бегут мурашки. — Пока. — Он отпускает меня и отступает назад. — Наслаждайся своей свободой, пока она есть.

Я смотрю на широкую спину удаляющегося Эрика, его движения плавные и хищные. Мои пальцы впиваются в ладони, ногти впиваются полумесяцами в плоть. Призрак его прикосновения задерживается на моем горле, и я ненавижу то, что мое тело все еще дрожит от желания.

Ублюдок. Он думает, что может грубо обращаться со мной, напомнить о нашей встрече, а потом уйти? От его высокомерия у меня закипает кровь.

Я ударяю кулаком по стене, радуясь резкому уколу боли, который помогает прояснить мою голову. Холодный бетон прижимается к моему лбу, когда я опираюсь на стену, пытаюсь замедлить свой учащенный пульс.

— Дыши, — шепчу я себе. — Просто дыши.

Но все, о чем я могу думать, — это его грубый голос мне в ухо, жар его тела, прижатого к моему. То, как его пальцы скользили по моему горлу с достаточным нажимом, чтобы напомнить мне о его силе. Мои бедра сжимаются при воспоминании об этом.

Я отталкиваюсь от стены и расхаживаю по комнате быстрыми и взволнованными шагами. Как он смеет метить свою территорию, словно какое-то животное? Виктор проявил элементарную человеческую порядочность, а Эрик повел себя так, словно я совершила какой-то смертный грех.

Хуже всего не его собственничество и не его предположения. Дело в том, что он прав — мое тело действительно жаждет его прикосновений. Даже сейчас, когда гнев борется с возбуждением, я хочу, чтобы он вернулся. Хочу, чтобы он закончил то, что начал.

— Возьми себя в руки, Катарина. — Мой голос звучит напряженно даже для моих собственных ушей.

Мне нужно сосредоточиться на побеге, на выживании, на чем угодно, кроме затяжного жара между ног и покалывания кожи там, где он прикасался ко мне. Но его слова эхом отдаются в моей голове, напоминая мне о вчерашнем утре, о наслаждении настолько сильном, что оно граничило с болью.

Боже, я ненавижу его. Ненавижу то, что он может читать реакции моего тела, как открытую книгу. Ненавижу, как он может превращаться из ледяного солдата в пылающего страстью бога и обратно, оставляя меня плестись за ним по пятам.

Больше всего я ненавижу то, что хочу большего.

Глава 10

Эрик

Я хватаюсь за край своего стола, глядя на записи службы безопасности, которые сменяют друг друга в разных частях комплекса. Никаких признаков ее присутствия. От того, что я не знаю точно, где находится Катарина, у меня сжимаются зубы.

Мои мышцы напрягаются, когда мимо моего кабинета проходит еще один охранник — четвертый за десять минут. Удвоенная охрана Николая означает удвоенное внимание к ней. Вдвое больше мужчин, которые могли бы...

Ручка в моей руке ломается, чернила растекаются по ладони. Я стираю их резкими, сердитыми движениями.

Два дня этой свободы. Два дня, когда я мельком видел ее в коридорах, в спортзале, в библиотеке. Я никогда не знаю, когда заверну за угол и найду ее там. Структура смены охраны в ее комнате дала мне контроль, но теперь она бродит как призрак, преследуя меня.

— Сэр, мисс Лебедеву в последний раз видели направляющейся в библиотечное крыло. — Один из новых охранников останавливается у моей двери, отдавая отчет.

Я отмахиваюсь от него, не поднимая глаз. Библиотека. Конечно. Ее тянуло к книгам и знаниям, она всегда анализировала, всегда планировала. Мое тело помнит ощущение ее прикосновения у двери ванной, то, как она уступала и боролась одновременно.

— Черт. — Я стучу кулаком по столу. Записи службы безопасности расплываются, когда я представляю, как нахожу ее одну среди этих тихих полок. Одно прикосновение, и я сорвусь. Один взгляд этих дерзких глаз, и я бы взял ее прямо там, вопреки всем правилам.

Мне нужно вернуть дисциплину. Жесткий график. Эта свобода была ошибкой — она разрушает мой контроль. Но Николай настоял. Сказал, что, если держать ее взаперти, она будет еще отчаяннее пытаться сбежать.

Я заставляю себя подняться из-за стола и направляюсь в спортзал. Тренировки всегда помогают мне прояснить голову. Знакомый вес гантелей в моих руках успокаивает меня, когда я выполняю подход за подходом жима гантелей над головой.

Пот стекает по моей груди и спине, когда я приступаю к подтягиваниям. Постоянный жар в моих мышцах начинает заглушать мысли о ней. До тех пор, пока...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.